

К. А. Чхеидзе

**ГЕНЕРАЛ ЗАУР-БЕК ДАУТОКОВ-СЕРЕБРЯКОВ.
ГРАЖДАНСКАЯ ВОЙНА В КАБАРДЕ**

Составитель, автор предисловия и комментариев О. А. Жанситов

НАЛЬЧИК 2008

Мемуары К. Чхеидзе повествуют о судьбе офицера Кабардинского конного полка, организатора и руководителя антибольшевистского движения в Кабарде Заурбека Даутокова-Серебрякова и его времени.

Оглавление:

Предисловие

I. Происхождение и семья

II. Ученические годы

III. С.-Петербург

IV. Служба вольноопределяющимся

V. Оренбургское училище

VI. Персидская кампания

VII. Турецкая компания

VIII. Кабардинский конный полк

IX. Сл. Нальчик. Учебная команда. Революция

X. Корниловское движение. Возвращение в Нальчик

XI. Общее положение на Северном Кавказе и в Кабарде

XII. В Нальчике и в Пятигорске

XIII. Положение на Тереке и в Кабарде

XIV. Роспуск полка

XV. Большевизация Кабарды и Заур-бек. Восстание на Тереке

XVI. Кабарда и Заур-бек перед восстанием

XVII. Один в поле воин

XVIII. Первые бои: Баксан, Зольская

XIX. Бой: Куба-Тапинский и на р. Этоке

XX. Поход на сл. Нальчик

XXI. В освобожденном Нальчике

XXII. Моздокское совещание и развал фронта

XXIII. Т. С. О.

XXIV. На пути к Добровольческой армии

Предисловие

Одной из выдающихся в истории Кабарды является личность Заурбека Даутокова-Серебрякова — организатора антибольшевистского движения в Нальчикском округе в 1918 г. Его образ «палача и бандита», сформированный в советской литературе, и в настоящее время принимается некоторыми как полностью соответствующий действительности. Постсоветские публикации частично реабилитировали имя З. Даутокова-Серебрякова, показав его стремление добиться в условиях политического и вооруженного противостояния в стране лучшей доли для своего народа. Такая характеристика также нашла сторонников, подтверждением чему служит восстановление могилы З. Даутокова-Серебрякова, на вольноаульском кладбище г. Нальчика.

В руках этого человека в сентябре-ноябре 1918 г. находилась как политическая, так и военная власть в Кабарде, хотя он и отказался от роли «диктатора», предложенной членами спасенного им Нальчикского окружного народного Совета. З. Даутоков-Серебряков собирал и возглавлял войско для защиты Родины, всегда находился, что называется, на острие атаки. Его поведение, манера держаться с людьми, желание помочь нуждающимся, внешний вид, наездническое искусство, чувство чести и долга, личная отвага, а главное, смерть в расцвете сил на поле боя во главе конного отряда воскрешают в памяти образ старинного кабардинского рыцаря-уорка.

З. Даутоков-Серебряков родился 1 апреля 1886 г. в станице Луковской Моздокского отдела. Получив образование в Темирханшуринском реальном училище (ныне г. Буйнакск республики Дагестан) З. Даутоков-Серебряков выбрал карьеру военного, и был зачислен в Оренбургское военное училище. С началом Первой Мировой войны в составе 1-ого Сунжеско-Владикавказского полка его направили на юго-западный фронт. В 1916 г. он был переведен в Кабардинский конный полк т.н. «Дикий дивизии». В боях с противником З. Даутоков-Серебряков проявил мужество и незаурядное военное мастерство, за что был награжден и назначен командиром 4-ой запасной сотни Кабардинского конного полка. Помимо успехов на военном поприще З. Даутоков-Серебряков отличался литературным и музыкальным дарованием.

Широкую известность он приобрел в годы гражданской войны. В октябре 1918г. Кабардинский полк прибыл на Родину. После Февральской революции власть в Кабарде и Балкарии осуществлялась Нальчикским окружным гражданским исполнительным Комитетом, который не признал большевистскую революцию и стремился не допустить ее распространения на своей территории. При поддержке служащих Кабардинского полка, в том числе и сотни З. Даутокова-Серебрякова, комитет пресекал деятельность местного Совета рабочих и солдатских депутатов, а также разоружал находящиеся на территории Нальчикского округа большевистски настроенные солдатские части.

С началом 1918 г. события на Тереке складывались в пользу большевиков, которым 4 марта удалось провозгласить Терскую Советскую Республику. Вскоре, 21 марта 1918 г. советская власть была провозглашена и в Нальчикском округе. В сложившейся обстановке Кабардинский конный полк был расформирован. З. Даутоков-Серебряков, оставшись жить в Нальчике, некоторое время провел под арестом по подозрению в

контрреволюционной деятельности. Затем работал в коллегии правозащитников при Нальчикском Военно-Революционном Трибунале.

После провозглашения в Кабарде и Балкарии советской власти высшее духовенство, дворянство, офицеры царской армии, имущие слои населения, попав под категорию «социально-чуждых элементов», подверглись преследованиям и стали вытесняться из общественно-политической жизни округа.

Если подобные действия власти попирали права отдельных социальных групп, то решение земельного вопроса в Терской области за счет передачи кабардинских территорий соседним округам, противоречило интересам всего народа.

В августе 1918 г. отдельные представители дореволюционной и постфевральской администрации смогли занять руководящие посты в Нальчикском окружном народном Совете (председатель - Т. Шакманов), и в значительной мере повлияли на решения IV и V народных съездов: о принятии нейтралитета в разгоравшейся на Тереке гражданской войне, создании Кабардинского национального Совета, формировании национального полка, признании незаконными действий Чрезвычайной Земельной Комиссии по отмежеванию кабардинских земель в пользу соседних горских народов. Эти решения, обособлявшие Кабарду и Балкарию от Терского революционного лагеря, расходились с политикой большевиков, которые вскоре объявили Совет Т. Шакманова контрреволюционным. Для его свержения в Осетии был сформирован отряд из революционно настроенных кабардинцев и осетин под руководством Н. Катханова.

Руководство Нальчикского окружного народного Совета не имело достаточных сил для борьбы с отрядом Н. Катханова и поэтому обратилось за поддержкой к З. Даутокову-Серебрякову. Организовав в конце августа 1918 г. в станице Солдатской отряд из сослуживцев, он повел вооруженную борьбу с революционными частями в Нальчикском округе и за его пределами, взаимодействуя, при этом, с восставшими против советской власти терскими казаками. Цели З. Даутокова-Серебрякова, выраженные в программе его партии «Свободная Кабарда», во многом совпадали с решениями 4-ого и 5-ого народных съездов.

В октябре 1918 г. З. Даутоков-Серебряков, выбив из Нальчикского округа отряды Н. Катханова, восстановил в правах Совет Т. Шакманова. С этого времени и до середины ноября 1918 г., когда Нальчик снова был занят красными, они выступали единой силой. В период их пребывания у власти

в Нальчикском округе были достигнуты значительные успехи в национально-государственном строительстве кабардинцев: созданы независимая политическая и судебная власть, сформировано национальное войско, образован особый Духовный Совет, призванный примирить охваченное гражданской войной население округа.

В конце октября 1918 г. положение на Тереке меняется в пользу красных, подавивших основные очаги казачьего восстания. 18 ноября 1918 г. передовые части X и XII Красной армии, в том числе шариатский отряд Н. Катханова, заняли Нальчик. Войска З. Даутокова-Серебрякова отступили на Кубань на соединение с Добровольческой армией А. Деникина.

При ее поддержке в январе 1919 г. З. Даутоков-Серебряков снова занял Нальчикский округ и был назначен помощником правителя Кабарды Т. Бековича-Черкасского по военной части. На этом посту, позволявшем ему заниматься формированием вооруженных отрядов, он продолжил борьбу с большевиками, которая приобрела характер военных рейдов по селам, сочувствующим советской власти. Подавив очаги партизанского сопротивления, З. Даутоков-Серебряков в начале июня 1919 г. во главе Второй бригады Кабардинской Конной дивизии в звании полковника отправился на Царицынский фронт, где 27 августа в бою под Котлубанью погиб. Командованием Добровольческой армии ему было посмертно присвоено звание генерал-майора.

Одним из важных источников в изучении гражданской войны в Кабарде и Балкарии являются воспоминания ее участников. Советские историки привлекали к исследованиям лишь широко доступные воспоминания борцов за Советскую власть: Г.С. Русакова, Б.Э. Калмыкова и др. В них гражданская война представлялась как борьба трудового народа, возглавляемого большевиками против эксплуататоров. Основное внимание уделялось отображению событий, происходивших в революционном лагере: создание партийной организации, формирование отрядов красной армии, партизанская борьба с белыми. Были составлены биографии борцов за установление Советской власти. Их имена, увековеченные в названиях улиц, памятники и дома с табличками «здесь жил и работал такой-то...» отражают революционное прошлое республики. Память о людях, оказавшихся в антибольшевистском лагере, должна была или совсем раствориться, или носить негативный оттенок.

Для полноценного освещения революционных процессов и гражданской войны в Кабарде и Балкарии, в том числе истории антибольшевистского движения, необходимо обращение к воспоминаниям его участников.

Однако организаторы и руководители борьбы с советской властью в Нальчикском округе З. Даутоков-Серебряков, М. Анзоров, Т. Бекович-Черкасский и другие не оставили своих мемуаров, по крайней мере, они нам не известны. В связи с этим, большую ценность представляют воспоминания участника антибольшевистской борьбы в Кабарде К.А. Чхеидзе, который был другом и сослуживцем З. Даутокова-Серебрякова. Будучи военным, он, как и А. Деникин, обладал талантом писателя. Автор книги «Бывают странные сближения» (Нальчик, 1993 г.) О. Опрышко, рассказывая о судьбах служащих Кабардинского конного полка, часто цитировал работу К. Чхеидзе «Страна Прометея», а точнее ее вторую главу «Заурбек», посвященную непосредственно периоду гражданской войны. Сама книга, вышедшая в свет еще в 1932 г. в Шанхае, была переиздана в 2004 г. в Нальчике и вызвала большой интерес.

К.Чхеидзе познакомился с З. Даутоковым-Серебряковым в 1914 г. в Геленджике, где последний отдыхал с семьей. Затем служил под его руководством в III сотне Кабардинского конного полка «Дикой дивизии».

Во время гражданской войны К. Чхеидзе являлся личным адъютантом командующего Кабардинскими полками З. Даутокова-Серебрякова, а после его гибели - личным адъютантом начальника Кабардинской конной дивизии и Правителя Кабарды князя Т. Бековича-Черкасского. Участвуя в боевых действиях, занимаясь «штабными делами», К. Чхеидзе вел дневник, фиксируя примечательные события. Более того, после отступления белых частей из Нальчика, в его распоряжении оказалась часть документации «белой» администрации Нальчикского округа: копии приказов, донесения с фронтов, административная и военная переписка.

В апреле 1920 г., находясь среди отступивших Кабардинских полков на территории Грузии в городе Поти, К. Чхеидзе приступил к обработке имеющихся документов, составивших своего рода личный архив, который он берег и дополнял во время «эмигрантских скитаний»: Крым, Константинополь, остров Лемнос, Болгария, Австрия. Направляясь в Прагу, К.Чхеидзе оставил свой архив в здании филиала Лиги Наций в Вене, и затем безуспешно пытался получить его обратно. Ценные документы были утеряны. Обосновавшись в Праге в 1923 г., К. Чхеидзе пришлось приложить немало усилий, чтобы восстановить достоверную картину пережитых им на Кавказе событий. Он пишет и издает посвященные им две книги: «Страна Прометея» и «Глядящий на солнце», печатает статьи и рассказы в журналах «Кавказский горец», «Казачий сполох», «Своими путями».

В Государственном Архиве РФ нами обнаружена неизданная работа К. Чхеидзе «Генерал Заур-бек Даутоков-Серебряков. Гражданская война в Кабарде», которая открывает доселе неизвестные страницы биографии главного героя: участие в «персидской кампании», пребывание на «Турецком фронте», поход в Пятигорск для «усмирения» большевиков и т.д. Интерес представляют сведения о гражданской жизни З. Даутокова-Серебрякова: ученические годы, семья, знание иностранных языков, литературные и музыкальные способности... В труде К. Чхеидзе можно найти объяснение лидерства З. Даутокова-Серебрякова в антибольшевистском движении. Это не только стечение обстоятельств или чья-то политическая воля. Лидерство было заложено в характере Заурбека и проявлялось с ранних лет. Он стремился быть первым во всем: в танцах, в джигитовке, в бою...

В работе К. Чхеидзе отражаются события гражданской войны: формирование противоборствующих политических группировок, национальные отношения, вовлеченность народов Терека в революционные процессы. Подробно описываются боевые действия в Кабарде, указывается расположение, численность, маневры конных сотен З. Даутокова-Серебрякова и его противников, встречаются эпизоды из повседневной мирной жизни Кабарды, прослеживаются судьбы деятелей той эпохи.

Долгое время на гражданскую войну мы смотрели глазами победителей - большевиков. Были с ними «за одно», сидели в окопах, отражая атаки белогвардейцев, боролись с врагами революции. Последние же представлялись нам чуждыми, враждебными, не имеющими права на будущее. Описания К. Чхеидзе позволяют взглянуть на события 1917-1920 гг. в Кабарде и Балкарии с другой стороны. Здесь уже большевики выступают «исторической ошибкой», а на З. Даутокове-Серебрякове и его отряде лежит благородная миссия - исправить эту ошибку. И мы невольно сопереживаем ее исполнителям. Работая над своими мемуарами, К.

Чхеидзе не преследовал пропагандистских целей. Он писал о «проигранном деле», желая сохранить в памяти имена его участников.

Выражаю признательность за содействие в издание книги А. Х. Абазову, Б. Х. Бгажнокову, А. А. Жанситову, В. Х. Кажарову, З. А. Кожеву, Д. М. Кумыковой, А. В. Кушхабиеву, И. Х. Кушховой, Н. А. Чижоко, А. К. Шапаровой.

О.А. Жанситов

Генерал Заур-бек Даутоков-Серебряков. Гражданская война в Кабарде

Память о Заур-беке будет жить столько же, сколько Кабарда. Уже при его жизни о нем слагали легенды, пели песни. Однако не многие лишь знают действительного, исторического Заур-бека...

I. Происхождение и семья

В период своего расцвета и могущества (XVI - XVIII вв.) Кабарда простирала свои владения на Восток до слияния р. Сунжи и р. Терека. На месте слияния до сих пор находится селение Барагуны. Происхождение его кабардинское. Род Барагуновых, ныне живущий в ст. Луковской около г. Моздока Терской области, имеет нескольких представителей. Генерал Иван Петрович Барагунов женат на родной сестре Заур-бека - Любви. Барагуновы давно оказались и ныне числятся по войску Терскому...

Город Моздок, согласно весьма достоверному преданию, заложен кабардинцами. Самое наименование (мез-догу по-кабардински густой лес) указывает на это. Семья Даутоковых, однако, не так давно выехала из собственно кабардинских земель. Фамилия Даутоковых очень многочисленна. Они живут близ слободы Нальчик Терской области - Центр Кабарды - в селении, носящем наименование от их фамилии. Даутоковы, хотя и не очень родовитые, но дворяне (уздени, по-кабардински: уорки). Предок Заур-бека, выехавший из своего родного селения, принявший православие и оказавшийся, переделал свою фамилию на русский лад. Он стал называться Серебряковым (по-кабардински «даут» значит серебро (*правильно - «дыжьын»*)).

В Терской области нередки случаи принятия православия. Во время революции 1917-20 годов были обратные случаи: православные русские принимали магометанство и стремились окабардиниться, вообще окавказиться. Но обыкновенно туземцы, принявшие православие, сохраняют свой первоначальный быт, свои обычаи, взгляды. По общему правилу новокрещенные имеют два имени: одно христианское, другое магометанское. В официальных документах пишут и то, и другое...

Бывают случаи, когда православному русскому (не при крещении, конечно) дают магометанское имя, и он под ним известен. А иногда чистый кабардинец и магометанин вдруг именуется Петей или Володей.

Например, Таусултан Ш. (*Возможно, имеется в виду Таусултан Шакманов, Председатель Нальчикского Окружного Совета в августе-октябре 1918 г.*) больше известен как Володя Ш.

Отца Заур-бека звали Аслан-беком. Христианское имя его мне не известно. Он служил в Терском войске. С чином Войскового Старшины или полковника вышел в отставку. В городе (Моздоке) у них был дом.

Недалеко от города, в степях, хутор. Отец очень любил этот хутор и проводил там большую часть года... Аслан-бек был человеком решительным, суровым и домовитым. По кабардинскому определению он был «хабзист», т.е. строгий последователь предписаний «хабзэ» (хабзэ-обычай). В своем доме он не только правил, но и властвовал.

Окружающие и соседи считали его авторитетом во всех делах: хозяйственных, семейных, религиозных. В ногайских кочевьях (они бродят неподалеку) имя Аслан-бека уважалось. В случае споров и ссор прибегали к его суду. И решение, данное Аслан-беком, почиталось окончательным.

Аслан-бек славился хлебосольством, умением принять гостей. Ни одна свадьба в окрестности не заключалась без его одобрения. И на свадебном пиру Аслан-беку принадлежало первое место и положение «тамады».

Случалось, что мимо его «владений» должна проходить свадебная процессия незнакомых людей. Тогда на дорогах располагались заставы, которым вменялось в обязанность свернуть свадьбу на гостеприимный хутор. Никакие отговорки во внимание не принимались.

Молодой Заур-бек проводил месяцы, свободные от учебных занятий на хуторе. Своеобразная обстановка положила свою печать на впечатлительного мальчика. Черты отцовского характера передались ему на всю жизнь. Воспитательные методы Аслан-бека стремились к выработке сильного характера: самостоятельного, терпеливого, энергичного, властного. Требования иерархии проводились настойчиво.

Между сыновьями старого Серебрякова существовали отношения, основанные на «хабзэ». Старший сын Хаджи-Мурат - был после отца первым человеком в доме. Вторым шел Заур-бек, третьим - Хасан-бий. Православное имя Заур-бека - Александр. Хасан-бия - Георгий. Кроме того были еще две девочки - Любовь и Тамара. Хасан-бий и Тамара родились от второго брака; я не знаю матери Заур-бека (кажется, она была из рода Кундуховых 3), кажется, она умерла, когда еще он был совсем ребенком. В отношении к своей мачехе (Марии Павловне, осетинки по происхождению) он был всегда почтительным и нежным сыном. Отец умер раньше, чем Заур-бек окончил реальное училище. Хасан-бий. Православное имя Заур-бека - Александр. Хасан-бия - Георгий. Кроме того были еще две девочки - Любовь и Тамара. Хасан-бий и Тамара родились от второго брака; я не знаю матери Заур-бека (кажется, она была из рода Кундуховых *(Кундуховы принадлежат к привилегированной*

фамилии осетин-иронцев)), кажется, она умерла, когда еще он был совсем ребенком. В отношении к своей мачехе (Марии Павловне, осетинки по происхождению) он был всегда почтительным и нежным сыном. Отец умер раньше, чем Заур-бек окончил реальное училище.

II. Ученические годы

Если не ошибаюсь, Заур-бек переменял (не по своему желанию) три учебных заведения. Знаю, наверное, что из Владикавказского реального училища он был исключен за «веселые похождения». Закончил же среднее образование в 1907 году в Темир-Хан-Шуринском реальном училище. Он был старше многих своих одноклассников, и это, несмотря на то, что в Темир-Хан-Шуре учились «выдающиеся» реалисты (персы, армяне) в возрасте 19-22 лет. В старших классах Заур-бек носил усы и эспаньолку, против которой бесплодно боролся директор. Он привык считать себя взрослым очень рано и требовал, чтобы к нему относились как ко взрослому. Способности его были исключительными. Очень часто имя Заур-бека стояло первым по успехам. То время, когда оно не стояло впереди других, проходило в занятиях иного рода. Он иногда не мог обуздать свою разностороннюю, богатую, кипучую натуру. Слишком много желаний бродило в сердце, слишком горячая текла в жилах кровь. Стремление к первенству во всем становилось преобладающей чертой характера. Ученические произведения Заур-бека, писанные «на тему» отличались полнотой, ясностью и законченностью. В 1926 году я встретил Темир-Хан-Шуринского реалиста, который через двадцать лет сохранил в первоначальной свежести впечатления от произведений юного Серебрякова. Преподаватель русского языка восхищался им, директор много ему прощал из-за таланта. Кроме литературы, он увлекался еще музыкой, танцами, спортом. Первым инструментом, за который взялся Заур-бек, была флейта. Затем он перешел к корнету и играл на нем совершенно. Артистическое дарование сквозило в каждом звуке. Глубокая душа воспевалась властно и побеждающее. В танцах он редко встречал соперника. Заур-бек был убит 33-х лет; за время своей жизни он встретил лишь нескольких танцоров, о которых вспоминал как о достойных соперниках. При этом его танец не изобиловал какими-либо «трюками» или умопомрачительными «па» завязанного виртуоза. Напротив, стройность, отчетливость, духовность его манеры в целом давала классический образец лезгинки... И спорт доставлял ему новые победы, новые трофеи. Прирожденный конник, он изучил лошадь практически и теоретически. Задолго до поступления в военное училище Заур-бек был силен в

иппологии (науки о лошадях). С детства Заур-бек знал три языка: русский, кабардинский, осетинский. Достаточно владел татарским, ногайским; мог объясняться на некоторых дагестанских наречиях. Немецкий и французский знал недостаточно, но объясняться мог. Европейских авторов читал в русском переводе. Сколько я помню, любимыми его авторами были В. Гюго, Бальзак, Мопассан, Байрон. Произведениями Достоевского, Лермонтова, Толстого он «зачитывался». Находясь в выпускном классе, Заур-бек не думал о военной службе. Но что мечтал о каком-то неопределенном, но непременно блестящем и громком будущем - за это можно ручаться. По окончании училища он поехал к своему старшему брату в С.-Петербург. Я видел фотографию, где Заур-бек снят выпускным реалистом, в группе музыкантов. Его характерные несколько толстые и большие губы улыбаются иронически и смело. Слегка прищуренные глаза сильны и лукавы. Удлиненное лицо с эспаньолкой, редкими усами насмешливо по-мефистофельски. Около рта складки, присущие всей семье, просторный череп, коротко остриженные волосы. Один локоть упирается в колено. В руках корнет. Молодостью и задорностью веет от небольшой, сухой, стройной и сильной фигуры.

III. С.-Петербург

В С.-Петербурге Заур-бек пробыл должно быть около двух лет. Постоянно там жил или выезжал - не знаю. Об этих годах он не любил вспоминать.

Поэтому можно думать о неудачности поездки. В университет он не поступил. Быть может мечтал об артиллерийской карьере. Петербург его обманул. Он не показался ему ни величественным, ни грандиозным.

Интересы, которыми тогда (1908-10) жило петербургское общество, вызывали в нем отвращение. Символизм, футуризм и пр. в литературе; дилетантские богоискательства в религии; потуги в философии не могли захватить цельную и победительную натуру молодого кавказца... Он жил у брата Хаджи-Мурата. Хаджи-Мурат служил. Из Петербурга Заур-бек вынес самые безотрадные и тусклые впечатления.

IV. Служба вольноопределяющимся

Возвратившись на Кавказ Заур-бек поступает вольноопределяющимся в Горско-Моздокский полк, Терского казачьего войска. Этот период заслуживает упоминания, как преддверие к военной карьере Заур-бека.

Здесь в военной обстановке он осознает себя природным воином. Конь, шашка, винтовка занимают на время все прочие предметы занятий, заслоняют остальные интересы. Полковая семья, особенно рядовые казаки, сделались дорогими. Самостоятельный, с оттенком гордости в обращении с начальством; заботливый, простой в отношении казаков... У великого князя Константина Константиновича есть прекрасное стихотворение: «Наш полк». Только душою военный может прочувствовать эти красивые строки. И Заур-бек впитал в себя суть того, что заключается в стихотворении «Наш полк» и сам являлся частью этой сути... Гораздо позднее в 1917 году, когда разлагался Кабардинский конный полк, командиром одной из сотен коего был Даутоков, были им написаны следующие слова:

*Когда волнуется распушенная сотня
И в воздухе висит шум нескольких ослов,
В отчаянии без слов покончить я готов,
С собою, службой, взглядами и честью,
Чтобы не действовать секунды лестью.
Когда же появится значок лихой,
Когда я вижу конных вереницу,
А в каждом конном - адыгейца-птицу,
Мне вновь становится вся сотня дорогой.
И мыслю я: все грустное - долой!*

Адыгейцами называют себя кабардинцы... набросок этот при всей своей несовершенности с тонической и метрической точек зрения, очень правильно передает настроение автора. Лагерный сбор, маневры, уборка лошадей, походы, учения - вся эта поэзия военной службы, как необходимая и любимая каждым истинным конником, ее проза увлекли и очаровали Заур-бека. Он стал просить о переводе в военное училище; и тем самым определенно решилось, что его жизненный путь - путь офицера.

V. Оренбургское училище

В широких, общественных и даже военных кругах распространено было мнение, будто лучшей в России кавалерийской школой являлось Николаевское кавалерийское училище в С.-Петербурге. Собственно кавалерийские части Русской Армии с некоторых пор не разделяли это мнение. Уже в Японскую компанию маленькое по составу Тверское

кавалерийское училище заставило обратить на себя внимание выпуском качественно годных офицеров. Тоже следует сказать и о казачьих училищах в Новочеркасске и Оренбурге. Здесь было меньше блеску, но больше дела. Вообще же во всех училищах всех родов оружия постепенно и безболезненно проходил процесс обновления и «демократизации» командного состава русской армии. До известной степени можно говорить об обновлении и «демократизации» не только Армии, но и России. Ибо Россия есть военная держава. И главным ее костяком была, есть и еще долго (м.б. всегда) будет Армия. Из чинов Армии выходили будущие и низшие администраторы. Сквозь Армию проходило огромное большинство служилого населения России и ее интеллигенция. Наконец, ни в какой другой области, как в Армии, происходило слияние народов России в одно могучее, сознающее свое единство целое...

Заур-бек находился в Оренбургском училище в «дутовскую» эпоху: начальником училища был талантливый человек и сильно выраженный воин - генерал Дутов. Повышенные требования заставляли юнкеров тянуться во-всю. Чтобы успешно закончить училище, необходимо было обладать не только способностями, терпением и волей, но еще и хорошим здоровьем. Суровый климат оренбургских степей надламывал не один организм. Зимние маневры юнкеров, одетых в шинель установленного образца, заканчивались обморожением и пр. бедами. Конное учение в поле и манеже, инструкторская часть, джигитовка поставлены были образцово. Только большого одарения человек мог выдвинуться при таких условиях. Классные занятия (военными и общеобразовательными) науками не стояли столь же высоко. Однако, то что требовалось знать - юнкера знали. Система преподавания и самый дух училища исключали возможность выпуска юнкера, не усвоившего требования программы.

Заур-бек был первым в классе, в манеже и в поле. Есаул Вдовкин, одноклассник Заур-бека, добавляет, что он был непобедимым и в гостинной и на эстраде. Этим объясняется резкое поделение юнкеров на две неравные группы. Из них большая ненавидела Заур-бека, завидовала ему. Меньшая восхищалась им. Близких друзей у него не было. Маленькими эпизодами можно обрисовать создавшееся настроение. В классе сидели юнкера. Раз говаривали. Жестоко бранились. Заур-бек вынул папиросу, закурил. Большинство потребовало, чтобы он бросил курить. Он обещал это сделать, если прекратится брань. На старшем курсе предполагали, что вахмистром сотни будет назначен Заур-бек. Однако, «высшие соображения» не оправдали ожидания большинства юнкеров, и, должно быть, самого Заур-бека. «Высшие соображения», сводились к тому, что он по происхождению кабардинец, иногородец; у него слишком вспыльчивый властный характер, и многие его определенно не любят. То,

что ему вместо ожидаемых вахмистрских нашивок дали «лычки» португали юнкера - обидело и разочаровало Заур-бека. Он стал искать утешения вне училища и нашел его в одной молоденькой девушке, имя которой Матильда Сергеевна. Кажется, он с ней познакомился в доме Вдовкина, о котором я уже упоминал. Матильда Сергеевна была лютеранкой... Одним из основных правил, которыми руководствовался Заур-бек было: «Порыв не терпит перерыва». И вот, согласно ему Заур-бек, презирая опасность быть исключенным из училища перед самым производством в офицеры тайно женился на Матильде. От этого брака у него было двое детей - Мусса-Кан (Михаил) и дочь Ида...

В Оренбург прибыл Великий князь Константин Константинович. В то время он был начальником Главного управления военно-учебных заведений. Ему показали сотенное учение, рубку, уколы пикой, джигитовку и т.д. После учения вечером устроили концерт. Перед отъездом, обходя фронт юнкеров и благодаря их, Великий князь остановился около Заур-бека. У Великого князя, человека большого роста, была манера, разговаривая с юнкером или кадетом, брать его за подбородок, поднимать лицо вверх и рассматривать черты лица, особенно глаза. Так он сделал и с Заур-беком. Спросил имя, фамилию, откуда родом и т.д. Потом, уходя, сказал: «Ты - Демон-бек, едешь божественно, играешь как ангел, а сам похож на Мефистофеля». Заур-бек был польщен вниманием Великого князя и вспоминал об этом случае с гордым удовлетворением... По окончании училища он оставил жену в Оренбурге и взял вакансию в Сунженско-Владикавказский полк Терского казачьего войска, находившийся в Персии. Было это в 1912 году.

VI. Персидская кампания

Заур-бек совершенно сознательно взял вакансию на «персидский фронт». Как он говорил - «Только там было движение воды», только там говорили пушки и пулеметы. Оставаться в России с возможной перспективой подавления гражданских беспорядков ему не улыбалось. К этому времени старший брат Хаджи-Мурат находился в Персии. Их хутор после смерти отца пришел в запустение. Надо было не только содержать молодую жену, но и помогать семье. В то время в Персии шла «нелегальная война». Там полагались высокие оклады. Мотивы персидской кампании следующие: между Россией, Англией и Германией шла борьба за преобладающее влияние и за рынки. Для России Персия была, есть и будет одним из важнейших рынков. 50 % внешней торговли Персии приходилось в 1912-

13 годах на долю России; кроме того, русское правительство находило нужным поддерживать Шаха (*Мохаммед Али-шах был низложен в 1909 г. во время буржуазной революции 1905-1911 гг. в Иране. На подавление революции были брошены силы Англии и царской России*).

Участие России в гражданской войне Персии выражалось, между прочим, в формировании и отправки на помощь шаху экспедиционного отряда.

Одним из офицеров отряда был Хаджи-Мурат Серебряков. Там же находился приятель Заур-бека - Рослан-бек Хетагуров (осетин).

Влиятельным лицом при дворе шаха считался офицер русской службы осетин по происхождению Бета Хабаев (при ген. Деникине - он был правителем Осетии). Все перечисленные имена иллюстрируют мысль, высказанную выше, о роли Русской Армии в отношении «иногородцев»: - «иногородцы» вели «империалистическую» политику России... Заур-бек не вошел в состав отряда; оставался в строю, в полку. В самый короткий срок он завоевал общие симпатии: и полкового начальства и общества господ офицеров, и казаков. К концу второго года своего там пребывания он уже исполнял обязанности сотенного командира. И его сотня - в строевом и боевом отношении была одна из лучших, если не лучшая.

Песенники, джигиты, повар - все было высшего качества. В боевой обстановке самые недостатки Заур-бека - вспыльчивость, властность, самонадеянность - приобретали оттенок достоинств. В свободное от службы и походов время он посвящал литературе: общей, военной и политической. Устав знал «на зубок». По собственному признанию, ложился и вставал с уставом; держал его под подушкой. От подчиненных требовал расторопности, сообразительности, стойкости, и, что главное, инициативности. Методы своего обучения он применял не на общем полковом учении, а тогда, когда его взвод или сотня получала особое задание: когда находился «в отделе». Условия ведения войны в сильно пересеченной местности, в горах были изучены до тонкости. В

последствии, во время гражданской войны (поход в Балкарию) (*В феврале-марте 1919 г. экспедиционный отряд под командой З. Даутокова-Серебрякова подавлял краснопартизанское движение в Черекском ущелье Нальчикского округа. В походе в распоряжении З. Даутокова-Серебрякова находились также 2-ой Кабардинский конный полк, Конный дивизион ротмистра Хетагурова, отряд полковника Ануфриева.*) это знание ему чрезвычайно пригодились. Бывало, едет сотня в походной колонне, выставлены заслоны, высланы разъезды и т.д. Все едут спокойно. Внезапно, Заур-бек командует: «Стой, противник справа». Каждый начальник, каждый казак должен знать, что ему делать и уметь это сделать. В строю у Заур-бека было служить тяжело. Но вне строя не было сотни. Оживление и веселье, танцы, гармония, зурна, бубен, песни и

т.д. сменялись кричащей и развлекающей чередой. В 1914 году Заур-бек взял короткий отпуск. Вместе с детьми и женой приехал на черноморский курорт - Геленджик. Там мы познакомились. Отпуск внезапно прервался, - объявленная мобилизация вернула его в полк.

VII. Турецкая компания

Дивизия, где служил Заур-бек, входила в число войск, находившихся на Турецком фронте. Трудно вообразимые условия ведения там операций, особенно зимой, общеизвестны. Но столь же известна неуываемая доблесть частей Кавказского фронта. Главным жестоким и искусным противником русской конницы являлись курды. В Заур-беке они встретили со-равного и превосходного по изворотливости и изобретательности соперника-врага. Здесь помимо «сердца» т.е. смелости, нужна была именно изобретательность; умение схватить обстановку, разобраться в ней и подчинить ее себе. Случалось, очень храбрые люди (офицеры) теряли голову и через это «сердце»; попадали в ловушки, погибали. Заур-бек же выходил победителем из всех положений, получал знаки отличия, дважды представлялся к георгиевскому кресту (*Знак отличия военного ордена, обычно называемый «Георгиевский крест», был учрежден в 1807 г. Александром I. Заслужить эту награду можно было только настоящей храбростью и бесстрашием в бою.*), однако представление не проходило. Правильно или нет, но то, что представление к кресту не проходило, объясняли враждой и завистью начальника дивизии генерала Ч. Здесь надо сказать, что насколько ближайшее начальство благоволило к сотнику Серебрякову, почти настолько же в штабе его не любили. Сам он терпеть не мог штабных, в штабах не служил, не упускал случая «наступить штабным на ногу». Вражда и зависть ген. Ч. вытекали из ревности. Оба они - генерал и сотник искали расположение у сестры милосердия Вавочки. Сестра Вавочка, очень красивая и капризная светская барышня, предпочитала общество Заур-бека. Справедливо ли это объяснение вполне или отчасти - сказать затрудняюсь. Но что ген. Ч. действительно не любил Заур-бека на это указывают факты, приводимые ниже.

В числе прочих «дел» турецкой компании были такие. Заур-бек шел во главе разъезда. Вдали маячили фигуры конных курдов. Стали преследовать курдов. Казаки растянулись. Увлеченный погоней Заур-бек скакал впереди. Внезапно курды сделали крутой поворот. Заур-бек, желая перерезать им дорогу, взял прямо. Через несколько сажень перед ним

открылся овраг. Внизу совершенно беспечно сидели около 40 курдов (или турок). В разъезде Заур-бека было не больше 10 человек. Он крикнул: «Сдавайтесь». На гребень перед оврагом вскакивали один за другим догонявшие своего начальника казаки. Грозный окрик пребывающие всадники, направленные винтовки, полная неожиданность. Турки сдались.

При них был пулемет. За это Заур-бек получил, если я не ошибаюсь, «ключку» Св. Анны 4 степени (*Орден Святой Анны (учрежден в 1735 г.) 4-ой степени присваивался офицерскому составу армии за боевые заслуги*). Второе было серьезнее. Турецкая пехота окопалась в долине.

Задача была простая - выбить их из окопов. Повторная атака нашей конницы не привела ни к чему, но принесла тяжелые потери. Окопы были заняты и турки разгромлены, когда во главу атакующих встал Заур-бек со своей сотней. За это дело он ожидал получить георгиевский крест, но не получил ничего.

Взаимная неприязнь между высшим начальством и Заур-беком имела несколько мотивов. Он считал, что его не оценивают по заслугам, «обходят». Они (точнее оно - начальство) находило необходимым попридержать «выскочку». Он гордился своей самостоятельностью, тем, что он сам, «своими руками», личными качествами строил свою жизнь и карьеру. Эта независимость, нежелание «искать», казались начальству дерзким выпадом, который следует «сократить». Наконец, до начальства доходили слухи о слишком смелой критике их действий и распоряжений, которые позволяет себе сотник. Критика относилась не только к проведению операций на фронтах, но и ко всему образу жизни. Язык Заур-бека был острее дагестанского кинжала. Это последнее обстоятельство (критика) казалось особенно требующей искоренения.

Начальство принимало меры, Заур-бек протестовал.

В середине января 1915 года на Австрийском фронте был убит младший брат Заур-бека Хасан-бий, находившийся в рядах Кабардинского конного полка Туземной конной дивизии (т.н. «Дикой дивизии»). По получении этого известия Заур-бек подал рапорт, в котором просил о переводе в Кабардинский полк. И вот в истории с переводом высказалась вся неприязнь генерала Ч. к Заур-беку. Генерал не принял во внимание всех тех оснований морального и родового (в смысле кабардинского происхождения) порядка, которые давали право сотнику Сунженско-Владикавказского полка стать поручиком Кабардинского. Не смотря на неоднократные ходатайства, дело все тянулось и тянулось. Наконец, выведенный из терпения Заур-бек рискнул на такой шаг: он лично от себя отправил телеграмму на имя Великого Князя Николая Николаевича. В телеграмме описал все положение и просил заступиться вместо родного

брата в родном полку. Через некоторое время такое разрешение последовало. В декабре месяце (на рождество Христово) 1915 года я виделся во Владикавказе с Заур-беком. На его погонах стояли золотые и незабываемые буквы «Кб» (Кабардинский)...

Убитому Хасан-бию еще не исполнилось 22 лет. Он окончил Владикавказский кадетский корпус. В 1914 году в сентябре или октябре из Елисоветградского (*Ныне г. Днепрпетровск (Украина)*) училища вышел в Кабардинский полк. За короткое время своего там пребывания он успел создать себе репутацию доблестного и талантливое офицера. 15 января 1915 года он участвовал в пешей разведке, которую вела сотня. Шли по снегу в лесу. Снег «маскировал» все неровности почвы, в том числе австрийские окопы. Австрийцы подпустили кабардинцев на короткое расстояние и потом открыли ружейный и пулеметный огонь. Сотня дрогнула и повернула. Хасан-бий крикнул: «В атаку!», - и бросился на окопы. Он умер, имея лицо, обращенное к врагу. Тело Хасан-бия с большим трудом, уже ночью, вынесли. Сделали обряд, отправили в Моздок к матери. Великий Князь Михаил Александрович (Начальник Дикой дивизии) возложил на гроб серебряный венок, перевитый георгиевской лентой... Братья Даутоковы-Серебряковы находили свою гибель, начиная с младшего, в порядке, обратном рождению.

VIII. Кабардинский конный полк

Кабардинцы, не в пример прочим племенам Кавказа, не были покорены великодержавием. Кабардинцы имели длинную историю взаимоотношений с Московской Русью и Императорской Россией. В 1914 году при общем всероссийском патриотическом подъеме, народы Кавказа, до сей поры не несшие воинской повинности, выразили желание служить царю и России. Вопрос о том, кому принадлежит первенство инициативы - спорный. Одни говорят, что первые поднялись закавказские татары, другие - кабардинцы. Факт тот, что в лето от РХ. 1914 от кабардинского народа и пяти горских обществ (Балкария, населенная остатками Золотой Орды, примыкает к Кабарде), в Тифлис к наместнику Кавказа графу Воронцову-Дашкову отправилась депутация. Депутаты просили ходатайствовать перед царем о разрешении сформировать на свой счет полк. Ходатайство было уважено... Интересно отметить: в числе депутатов находился от балкарцев таубий (горский князь) Тенгиз Суншев ста двадцати одного года. От умер в 1916 году, когда ему исполнилось 123 и

шел 124 год. За несколько месяцев до его смерти я прикасался рукою до его благородной руки.

Вслед за кабардинцами (вместе с балкарцами) и татарами аналогичные желания выразили черкесы, чеченцы, ингуши. Дагестанцы развернули уже бывший дивизион в полк и еще дали 2-ой Дагестанский конный полк.

Осетины служили уже давно. Грузины тоже служили, тем не менее выставили вновь сформированные полки. Абхазцы дали сотню в Черкесский конный полк... Надо помнить, что кабардинцы (всего 180 тысяч населения), считая 40 тысяч балкарцев - 220 тысяч населения (*Кабардинцев в то время насчитывалось около 122 тыс., балкарцев - 33 тыс.*) на свой счет выставили четырехсотенный полк и снабжали его людьми до 1917 года! А во время гражданской войны кабардинцы выставили шесть конных полков. Эти полки состояли из людей, готовых умереть за Россию. Пусть эти жертвы станут поперек горла того, кто при каждом движении национального чувства на Кавказе, вопит о самостийности!... Кабарда в смысле административном есть округ. Он делится на четыре участка. Каждый участок приблизительно совпадает с границами владений четырех родовитейших князей, которыми они были в прошлом. Каждый участок выставил свою сотню (принцип территориальный). Иногда первая сотня именовалась Атажукинская, четвертая - Мисостовская и т.д. Балкарцы входили в четвертую сотню. Командный и унтер-офицерский состав полка состоял в начале войны сплошь из русских. В Дикую дивизию перешли многие офицеры из гвардейской кавалерии. Первым командиром полка был назначен граф Илларион Илларионович Дашков-Воронцов, сын наместника. Формировался полк в Виннице. Впоследствии, благодаря боевым заслугам или прохождению курса военного училища появились офицеры-кабардинцы. В сл. Нальчике собирались пополнения. В г. Проскурове в казармах 12-ой кавалерийской дивизии находилась Учебная команда Дикой дивизии. Заур-бек был назначен обучать новобранцев в сл. Нальчике. Сделали такое назначение, вероятно, потому, что приняли во внимание его нахождение на фронте с 1912 года. Кроме того, новый для Кабардинского полка он был старый и опытный офицер. Его инструкторские качества были известны.

IX. Сл. Нальчик. Учебная команда. Революция

Есть два предания, объясняющие почему Нальчик называется Нальчиком (наль - по-кабардински подкова). Первое указывает на подковообразный

поворот реки, на которой расположилось селение. Второе говорит, будто князь Атажукин остановился на месте будущего селения, т.к. его конь потерял подкову. В мирное время Нальчик насчитывал 3-4 тысячи человек. Здесь, как в административном центре Кабарды собирались маршевые пополнения и конский запас. Начальником назначили Заурбека.

По прибытии в район действующей армии Заурбек получил новое назначение: сначала помощник, потом начальник Учебной команды Туземной конной дивизии. Есть объяснение такому назначению. Обыкновенно, прибывающий в полк к месту нового служения младший офицер мало в чем изменяет уже установившееся положение вещей в смене командования взводами, получении очередных чинов и знаков отличий. Когда в новую часть переводят штаб-офицера, то уже заранее бывает известно, какую он займет должность; и заранее с этим примиряются, если есть свои претенденты на ту же вакантную до сих пор должность. Но приезд старого поручика (каким был Заурбек) или штабс-ротмистра, или ротмистра без назначения на определенную должность, вызывает тревогу и недовольство. Все это очень естественно и понятно. Перевод Заурбека в полк ставил вопрос: куда его назначать? Нельзя было предлагать ему меньше сотенного командира. Но в полку «на сотнях» стояли свои офицеры. Частью уже утвержденные, частью ожидающие утверждения и достойные его. Никого нельзя было обижать. Кроме того, у Заурбека была репутация не только боевого офицера, но и отличного строевика. Как раз в это время всюду в Армии чувствовалось отсутствие кадровых офицеров, могущих поднять обучение на должную высоту. Итак, он получил учебную команду... То что он сделал из этой команды - поистине достойно удивления. Команда комплектовалась исключительно из туземцев (Кабардинский, 2-ой Дагестанский, Черкесский, Татарский, Ингушский и Чеченский полки составляют Дикую дивизию); а они зачастую и даже большей частью не только не знали грамоту, но и русский язык. Между тем требовалось из этого материала создать унтер-офицерский состав. Замечу, что в Дикой дивизии было «смешение стилей»: кавалерийского и казачьего. Полк делился на сотни (по-казачьи), низший командный состав имел звания по казачьему образцу - урядник, приказный. Седловка, джигитовка тоже казачьи. Но офицеры имели не казачьи, а обще-кавалерийские чины: корнет, ротмистр. На учении команда строилась по-кавалерийски. Можно утверждать, что лучшего, чем Заурбек, начальника Учебной команды невозможно было бы выдумать: помимо отмеченных уже качеств он прекрасно знал психологию людей, с которыми имел дело; он владел почти всеми языками, на которых говорила его разноязычная команда... Под его

твердым и умелым правлением команда очень скоро приобрела вид хорошей строевой части. Но чем дальше, тем больше шло взаимное увлечение: команды своим начальником и начальника своей командой. Немного обиженный оставлением в тылу, Заур-бек забыл об обиде и с ревностью художника продолжал совершенствовать свое произведение из людей, коней и маневров... Революция застала его в Проскурове. Летом 1917 года ему дали сотню на фронте. Из крупных дел, в которых он участвовал, надо упомянуть бой под Станиславовской. После революции Заур-бек сделал то, о чем давно думал. Он вернулся к вере отцов, т.е. принял магометанство.

Х. Корниловское движение. Возвращение в Нальчик

В авангарде войск генерала Корнилова, наступавших на С.-Петербург, шла Дикая дивизия. Большой ошибкой этого движения было то, что мало кто знал об истинной цели движения и о существующей обстановке. Знай хотя бы офицеры о плане и мотивах наступления, дивизия не задержалась бы и не бездействовала в районе ст. Дно. Было очень нетрудно взять столицу в те дни. После того, как выяснилось, что наступление не удалось, положение сделалось опасным. В особенности в опасное положение попали кавказцы: сама собою напрашивалась провокация: «Иностранцы душат Великую русскую революцию». По эшелонам ходили самые невероятные слухи; сотни агитаторов, провокаторов и подобного рода «деятелей» атаковывали горцев. В среде последних началось движение - первое, с начала революции! Революционный элемент - матросы пулеметной команды Дикой дивизии - едва лишь приступили к деятельности, были удалены. Брожение усилилось, когда из Владикавказа прибыла телеграмма от Горско-Мусульманского сейма. В телеграмме заключалось проклятие контрреволюционерам, но главное там говорилось, что народы Кавказа будут опозорены, если горцы двинутся на С. Петербург. Вслед за телеграммой прибыли и делегаты (*На переговоры со служащими «Дикой Дивизии» с Северного Кавказа прибыли члены мусульманской делегации: осетины Д. Тагоев и А. Цаликов, чеченец Т. Эльдарханов, черкес Намитоков, кабардинец Кушбек и др.*). На ст. Дно был устроен грандиозный митинг, председателем коего избрали Заур-бека. На митинге выработали обращение к Вр. Правительству, к своим народам и к общественному мнению. Смысл его сводился к следующему: Кавказцы Дикой дивизии не являются врагами революции; они не желают ни сейчас ни впредь исполнять функции полицейской службы (кажется, ген. Половцев рекомендовал Вр. Правительству оставить туземцев в

С.П.б. для охраны Правительства!); они заявляют свою солидарность с настроениями своего народа и, наконец, они напоминают Правительству о том, что за три года фронтовой службы ни разу не пользовались отдыхом, что этот отдых им неоднократно обещали, и что они теперь ждут от Правительства разрешения отправиться на отдых, на Кавказ. По настоянию Керенского, Дикую дивизию отправили на Кавказ.

В сентябре месяце 1917 года Кабардинский полк был торжественно встречен представителями народа и общества в сл. Нальчике. Три первые сотни (Заур-бек командовал третьей) расположились на квартирах в Нальчике; четвертую под командой Хана Эреванского отправили в Малую Кабарду (Муртазово, Астемирово), где было беспокойно, благодаря соседству с ингушскими абреками, уже тогда перевоплотившимися в большевиков. С прибытием полка на родину началось постепенное разложение. Не столько от пропаганды, сколько под влиянием общей неурядицы в России и на Кавказе.

XI. Общее положение на Северном Кавказе и в Кабарде

От начала революции до первых попыток большевистского переворота никаких эксцессов Терская область, да и все население С. Кавказа не знали. Администраторов старого режима сменили новые лица с новыми наименованиями прежних должностей и учреждений; но ни чиновники, ни офицеры расстреливаемы не были. Все же революционный процесс шел своим порядком. Главными силами, двигавшими или останавливавшими этот процесс, были: группы противников революции из русских, из казаков, и из горцев. Они скорее пассивно сопротивлялись новым веяниям, стремились урезать размах, сохранить кое-что от старого. Никакой общей и явной идеологией они объединены не были. Затем шли деятели Февральской революции. Люди большей частью искренние, с оттенком карьеризма, достаточно интеллигентные. Им нравилось играть видную роль. Повиновение им, которое оказывалось главным образом по инерции, а не по «сознательному принятию революции», они принимали за доказательство прочности своего положения «народных избранников».

В этом состояла их крупная ошибка. Они были хозяева положения; они создали Терско-Дагестанское Правительство (*5 декабря 1917 г. Временное правительство Союза Объединенных Горцев Северного Кавказа и Дагестана и Войсковое правительство Терского Казачьего войска, не признав большевистской революции, временно отказались от части своих полномочий и образовали совместно с союзом городов Терской и*

Дагестанской областей Временное Терско-Дагестанское Правительство.) Они не сумели удержать свои границы от натиска большевистских банд, не сумели - не говорю создать (это было бы смешно), но использовать и собрать уже имевшуюся военную силу в виде казачьих и горских полков.

Перед захватом большевиками Владикавказа произошло такое событие. Офицер конвоя Терско-Дагестанского Правительства вызвал своего брата министра, находившегося на заседании правительства. Офицер передал, как печально складывается обстановка; требовал указаний, назначения одного начальника над частями и т.д. Но министр не стал его слушать, ссылаясь на важный вопрос, поставленный на обсуждение. Вопрос был вот какой! На каких условиях Терско-Дагестанский край может пользоваться портами Сухума и Потти? - Лилось много красноречия... Не хватило человека для занятия должности министра путей сообщения. Поручили это министерство военному министру. Военный министр через несколько дней за обедом предложил знакомому инженеру занять пост министра путей сообщения. И тот согласился...

О финансовых ресурсах Правительства можно судить на основании такого факта: чтобы послать несколько срочных телеграмм военный министр вынужден был продать свою бурку... Все это говорю для характеристики «министерского быта». Идеологически описываемая группа стояла на «платформе российской федеративной демократической республики». Впоследствии часть этой группы работала с ген. Деникиным, часть с большевиками. Часть ушла в сепаратизм.

Третью группу составляли большевики, главным образом русские по происхождению; русские и евреи. Они сосредоточили свою деятельность в городах: Владикавказ, Пятигорск, Грозный и т.д. В первую очередь они были заняты разрушением всего, что имелось: учреждений, войск, организаций. Во вторую очередь они обещали создать новую жизнь и мир и вполне определенно указывали пути к этому миру, и как этот мир будет выглядеть. Они не стеснялись обещаниями, каждому сулили по его вкусам. А это очень важно отметить! Малоземельным горцам они немедленно обещали землю; и откровенно намекали на Зольские пастбища кабардинцев (*При решении Советской властью аграрного вопроса на Тереке от Кабарды в пользу соседних горских народов было отторгнуто 135 937 десятин земли.*) (земли около 315. 000 десятин); кабардинцам обещали выселить с их земель казаков; ингушам отдавали казачьи станицы и т.д. - и не обещали ничего кроме свободы и пролетарской революции казакам. Но в угаре тогдашних дней и казаки в

некоторой части шли за большевиками. Четвертую группу, только еще формирующуюся, составили местные националисты. Это не были интеллигенты русской школы и русской манеры. Это не были большевики. Они в большинстве были хорошие мусульмане; они помнили Шамиля (*Аварский мулла Узун-Хаджи, прибыв в 1919 г. из Дагестана в Чечню, при содействии чеченского Пристава И. Арсанукаева-Дышнинского, членов Горского правительства образовал в с. Ведено «шариатскую монархию». Войдя в союз с большевиками (при этом, не являясь их сторонником), активно боролся с частями Добровольческой армии на Тереке.*); их ряды составлялись из молодых фанатиков-националистов и старых приверженцев пророка, иногда с турецкой ориентацией. Эта группа была самая энергичная, стремительная. Далеко не сразу ее деятели соединились с коммунистами. Но соединившись и компартия и ее горские союзники оставались верны друг другу в минуты удачи и в минуты поражений. Сейчас эта группа стоит у власти.

Религиозное «старичье» отброшено за ненужностью.

Типичными представителями перечисленных течений в Кабарде были: для первой группы - полковник Клишбиев (*Клишбиев Султанбек Касаевич (1867-1920). Полковник. Являлся начальником Нальчикского округа с 1910 по 1917 гг. При белых возглавлял «Комиссию при Правителе Кабарды по выяснению и удовлетворению убытков лиц, ограбленных и разоренных большевиками».*) и часть кабардинского дворянства; для второй - комиссар округа Гамид Чижокоев (*Чижокоев Гамид Исмаилович (1883-1935). После Февральской революции был назначен комиссаром Нальчикского округа. В 1920 году являлся помощником правителя Кабарды Т. Ж. Бековича-Черкасского по гражданской части (см. Органы государственной безопасности и общество. Кабардино-Балкария 1920-1992. Сборник документов и материалов. Нальчик, 2007. С. 353).*), потом служивший при Деникине; крупный кавказский деятель Пшемахо Коцев (*Коцев Пшемахо Тамашевич (1884-1962). Один из руководителей Союза Объединенных Горцев Северного Кавказа и Дагестана. Глава Правительства созданной 11 мая 1918 года Горской республики, (см. Органы государственной безопасности и общество. Кабардино-Балкария 1920-1992. Сборник документов и материалов, Нальчик, 2007. С. 359).*), ушедший впоследствии в сепаратизм; для четвертой - Назир Катханов (*Катханов Назир Адильгиреевич (1891-1928). Представитель кабаринской национальной духовной интеллигенции. Во время гражданской войны в Кабарде и Балкарии являлся руководителем советской шариатской колонии. В апреле 1920 года стал начальником окружной милиции.*), звезда которого только-только поднималась, и Калмыков (*Калмыков Бетал Эдыкович (1893-1940). В годы гражданской войны руководитель*

*кабардино-балкарских большевиков. В 1920 году председатель Нальчикского окружного Ревкома. Председатель Кабардино-Балкарского Облисполкома (1921-1930). Первый секретарь Кабардино-Балкарского обкома партии (1930-1938). (см. Органы государственной безопасности и общество. Кабардино-Балкария 1920-1992. Сборник документов и материалов. Нальчик, 2007. С. 329).), до той поры неизвестный человек, слуга доктора Р. в станице Марьинской (на Малке). Среди кабардинцев стопроцентных большевиков не было ни одного, поэтому третью группу мы пропустим. Но для будущего надо отметить, что: четвертая группа примкнула к коммунистам; а часть второй группы, (например) Тамбиев, Мамышев (*Мамышев Барасби Салыхович (1873-1927). Полковник. В годы гражданской войны поддержал З. Даутокова-Серебрякова. Служил в денкинской администрации при правителе Кабарды. В начале 20-х годов работал в советских учреждениях. В 1927 г. расстрелян.*) и др., колебавшиеся между добровольцами и сепаратистами, впоследствии сделалась «попутчиками» большевиков. Приблизительно такое же распределение наблюдалось и у других племен Терско-Дагестанского края.*

Заур-бек не принадлежал ни к одной из указанных группировок. Он ко всему приглядывался, но предпочитал заниматься сотней и иногда картами и кутежами. Настоящие большевики обнаружили себя в Нальчике много позже, чем в других городах С. Кавказа. Именно в феврале-марте 1918 г. из местных выдвинулись русские: Карпинский (*Павел Карпинский - заместитель председателя Нальчикского Совета рабочих и солдатских депутатов. Член Терского областного народного Совета.*) и Видяйкин (*Дмитрий Видяйкин - член Нальчикского окружного народного Совета. Военный комиссар Нальчикского округа. Казнен белыми в 1919 г.*). Главой всего движения признавался прибывший из «центра» комиссар Сахаров (*Сахаров А.И. - член Терского народного совета, комиссар Нальчикского округа.*).

ХII. В Нальчике и в Пятигорске

Полковая жизнь, по прибытии в Нальчик, замирала. Полковые учения быстро прекратились. Сотенными учениями занимались редко; чаще других - третья сотня. Семейные офицеры частью разъехались; частью выписали свои семьи и, уйдя в семейную жизнь, отошли от полковой. Холостые офицеры собирались в собрании на обеде и ужине, спорили, пили, устраивали поездки, знакомились с местным обществом и

прибывшими из России беженцами, ухаживали, играли в карты. Поразительно мало интересовались политической жизнью страны. Сказывалось трехлетнее пребывание на фронте, бои, ранения, смерти: хотелось жить ради жизни. Всадники частью были отправлены в продолжительный отпуск, частью разъехались самовольно. В сотнях оставалось по 30-60 человек. Иногда трудно было собрать достаточное количество людей в караул при денежном ящике.

Кабардинский народ устроил праздник по случаю прибытия своих воинов. Говорили речи, много пили, танцевали, стреляли. Но не было праздника, не было воодушевления: позор Брест-Литовска (*3 марта 1918 г. в Брест-Литовске был заключен мирный договор между Россией и странами Центральной Европы (Германия, Австро-Венгрия). Россия отказалась в пользу последних от прибалтийских губерний и российской части Польши. Признала независимость Финляндии и Украины. Передала Турции города Каре, Ардаган и Батум.*) и призрак грядущей гражданской войны убивали живую радость встречи. Старшие (и старые) офицеры жили «компаниями». Одна состояла из б.гвардейцев. Они думали о России и революции; они думали о контрреволюции и ничем свои мысли активно не проявляли. Один из видных членов этой группы гв. ротмистр Юрий Николаевич Волошинов относился враждебно к некоторым проявлениям национального чувства в полку; в частности, плохо отзывался о Заур-беке, считая его потенциальным националистом и революционером. Другую компанию составляли грузины. Их было несколько человек в полку. Они собирались ехать в Грузию, звали желающих с собой. В ожидании отъезда устраивали прощальные кутежи, где первое место принадлежало князьям Мушни и Татушу Дадани... Молодые офицеры-кабардинцы прислушивались к жизни Кабарды и Кавказа, но, исключая двух-трех определенно занявшихся политикой, не предпринимали ничего... Наконец, около Заур-бека сплотилась еще одна компания. Ядро ее составляли офицеры третьей сотни. К ним примыкали те из офицеров (и, отчасти, общества), которые ценили Заур-бека, любили военно-походную обстановку его жизни.

В начале ноября 1917 года активность большевиков в Пятигорске достигла опасных пределов. Терско-Дагестанское Правительство решило их сократить. От командира Туземного конного корпуса генерала Половцева пришло распоряжение: Кабардинскому полку выступить в Пятигорск и принять там меры для предотвращения коммунистического восстания. Едва кабардинское общество услышало о таком приказе, оно немедленно принялось ходатайствовать об оставлении полка в Нальчике. Поговорка: «своя рубашка ближе к телу» оправдалась в полной мере. По

существо, присутствие или отсутствие полка имело значение психологическое: в трех сотнях могли выйти в строй не более 100-120 человек, считая офицеров... Ходатайство было уважено; штаб корпуса переменял решение: приказано было послать не полк, а сотню. Гарнизон Пятигорска распушенный, разложенный и еще не сформированный в красные сотни, доходил численностью до 7-8 тысяч штыков. Командир каб. полка полковник Абелов отдал приказание III-ей сотне выступить. Таким образом, Заур-беку и его сотне приказано было оккупировать Пятигорск и спасти его от большевистского переворота. К общему изумлению эта задача была выполнена... На рассвете одного из начальных дней ноября (кажется, 7 или 8-го) третья сотня построилась на площади в ожидании командира. В строю, считая четырех взводных офицеров, значкового вахмистра, трубача, кашевара на подводе и вестового (подобранного в Галиции 16-тилетнего Гаврюшку) было 54 человека.

Седой туман застилал горизонт. Через несколько минут прискакал ординарец Заур-бека с приказанием идти по пятигорской дороге. Справа по три вытянулись недлинной кишкой. Но не прошли и полуверсты - всадники без команды остановились. Выехали 2-3 кабардинца и доложили старшему офицеру, что, не зная куда и зачем, они и сотня идти не хотят. Во время разговоров и объяснений (впервые случившихся) раздался дробный топот: на англо-кабардинской кобыле Дине показался Заур-бек. «Узыншэм адыгэ!» (здравствуйте, кабардинцы) - крикнул он. И в один голос ответили всадники: «Алыхъым уигъэузыншэ!» (во имя Бога, здравствуй), «Пойдем в Пятигорск, оттуда грозит опасность нашим селениям, - сказал он без доклада, понимая какова обстановка, - пусть все большевики, меньшевики знают, что с кабардинцами шутить опасно; а наши женщины и старики пусть спокойно живут под нашей охраной»... Выехавшие из строя 2-3 всадника двинулись было к нему. Но он не стал их слушать: «Сотня, рысью ма-арш» - скомандовал он. И через плечо крикнул: «Трусам и бабам советую снять папаху, и, одев платок, оставаться дома»... Вся сотня поднялась в рысь... При остановках и ночевках в кабардинских селениях Заур-бек объяснял жителям цель похода, рассказывал жителям об общей обстановке: быть может уже тогда он смутно предчувствовал, какой жребий выпадет на его долю, и как важно, чтобы его лично знала Кабарда...

К Пятигорску подошли под вечер. Выслали разъезд. Разъезд должен был сообщить пятигорскому начальству о прибытии кабардинцев.

Замечательно, что «отцы города» и дрожавшее гарнизонное начальство, настаивавшие на приходе кабардинцев, в виде квартиры предоставили нам пустые запущенные конюшни Нижегородского полка! Стоял ноябрь... На

улицах устраивались летучие митинги, ходили процессии с большевистскими лозунгами. Через день должно было состояться заседание, точнее митинг, повестка которого была краткой: переход власти Советам рабочих, солдатских и крестьянских депутатов. На следующий по приезде день, Заур-бек с небольшим (человек 15-ть) конвоем проехался по улицам. Заехав к начальнику гарнизона, растерянному и жалкому, он предложил ему вывесить категорическое распоряжение: никому не разрешается устраивать митингов и процессий без санкций городского или военного управления. Недозволенные собрания будут разгоняться вооруженной силой... Это было сделано. Начальник гарнизона, узнав, как безобразно размещены «спасители», предложил «г.г. офицерам» два номера гостиницы «Бристоль». Со смехом Заур-бек отверг этот «выход их положения». Он сам ночевал в конюшне в комнатке дежурного... В газетах появились сообщения о прибытии кабардинцев. Назывались цифры: 200-500 и больше... На обратном пути заехали в ресторан. Не столько для еды, сколько для демонстрации. К столу, где сели, подошел молодой человек без погон в лампасах: «Вы кабардинские офицеры?» - спросил он. «Да», - подтвердил Заур-бек. - «Правда ли у вас пятьсот человек?» - «Как считать», - сказал Заур-бек. - «Ведь наши части не только в городе, но и в Ашабово, и в Старом Абуковском (кабардинские селения около Пятигорска)... Считайте, что нас несколько тысяч». Господин в лампасах недоверчиво покачал головой и удалился. Заур-бек пояснил своим офицерам, что, отвечая, имел ввиду не только всадников полка, но и способных носить оружие кабардинцев ближайших селений. «В нужное время они все пойдут против большевиков», закончил он. И говорил правду... Вечер того же дня провели в конюшне. Оказывается, приходили агитаторы, но их выставили. Лампы не было. Жгли свечу. В разбитое окно вставили свернутое одеяло. Пили чай и вино. Заур-бек приказал принести с подводы «агач кумуз» (Дагестанский трехструнный музыкальный инструмент, используется, главным образом, для аккомпанемента пению.). Наигрывал лезгинки.

Потом пел им же составленные куплеты:

*Молод я и дерзок, не боюсь барьеров,
Образцом служу я модных кавалеров.
Пусть же ретивая рвется на три части,
Если не сумею увести я Насти...
Но а я серьезен, мягок и спокоен.
Главою комитета быть я удостоен.
Не смотря на это и свою натуру,
Все же постараюсь увести я Нюру...*

На третий день нашего пребывания в Пятигорске состоялся митинг в каком-то кинематографе; на нем решался вопрос о переходе власти Советам. За эти дни выяснилось, что кроме 50-ти кабардинцев в городе нет ни одной надежной антисоветской воинской части. Заур-бек послал в штаб корпуса телеграмму, где писал, что он не допустит большевистского переворота в ближайшие несколько дней; что если желательно очистить минераловодский район от большевиков, то пусть ему дадут бригаду конницы, и он сделает это; а если сил нет, то он настаивает на возвращении в Нальчик, т.к. пятигорские большевики очень скоро перестанут бояться горстки кабардинцев... На митинг в кинематограф Заур-бек взял двух офицеров и 5-6 ординарцев. Подтянутые в погонах кабардинцы производили выгодное впечатление. Городское население и, особенно, беженцы из России встречали появление кабардинцев в публичных местах овациями. Но дальше оваций дело не шло. Они хотели, чтобы их охраняли и платили аплодисментами. Но прав тот, кто сказал, если ты сам не хочешь спастись, никто тебя не спасет... Десятки организаций прислали своих представителей на митинг. Ораторы говорили «за» и «против» перехода власти в руки Советов. Ораторов записалось 22 человека. Руководящая линия прений явно принадлежала большевикам. Последних направлял Анджиевский, будущий диктатор и гроза Пятигорска, убийца ген. Рузского, Радко-Дмитриева и многих других. Говорившие против большевиков держались неуверенно. Восемнадцатым выступил Заур-бек. Он сказал, что если бы Кабарда находилась за тридевять земель, то ни ему не пришлось бы здесь выступать, ни присутствующим его выслушивать. Но т.к. Пятигорск (по-кабардински Пси-Хуабэ, что значит теплая вода) соседствует с его родным народом, вот он и заявляет. Спокойствие, порядок и законность должны для всех являться лозунгом дня и основами деятельности. Новое право предоставляет всем слоям населения высказывать свою волю и участвовать в общей жизни. Рабочие, солдаты, крестьяне - все имеют легальные возможности заявить свои требования и добиваться их осуществления. Те, кто покушаются на изменения существующего порядка - суть насильники; им не дороги ни свобода, ни порядок. Насилие, произведенное в Пятигорске, не может не отозваться на жизни Кабарды. Кабардинцы не потерпят насилия. «И подобно тому, как Грозный осаждается чеченцами - вы, - сказал Заур-бек, - услышите и увидите, как Пятигорск будет осаждаться кабардинцами - борцами за порядок и законность в крае...». Речь его, сказанная внятно, энергично и воодушевленно, сразу изменила настроение. Несмолкаемые аплодисменты похоронили его речь. Остальные ораторы (случайно или нет, не знаю) были не большевики. Таким образом, митинг закончился победой существующего положения вещей. Однако, не надолго. Спустя 2-3 дня

сотня вернулась в Нальчик. В начале 1918 года большевики окончательно восторжествовали в Пятигорске...

В Нальчике далеко не все было благополучно. Там стоял артиллерийский гаубичный дивизион. Солдаты дивизиона начали высказываться и действовать в духе большевизма. Ни в одном полку Дикой дивизии не было ничего подобного тем настоящим дикостям, которые совершались повсюду в частях разлагающейся Русской Армии. Солдаты-артиллеристы являлись грозой населения. Решено было их обезвредить. Сделано это было так: со всех сторон внезапно окружили их казармы, обезоружили, приказали собрать вещи и под конвоем отправили на вокзал. Там уже дожидался их прибытия пустой состав. Посадили их, пожелали забыть обратный путь в Нальчик, дали три звонка и поезд тронулся. К сожалению, при первой же возможности они группами и в одиночку вернулись. Большевики впоследствии взяли их в свои части. Не безынтересна судьба гаубиц. По приказанию владикавказского начальства их отправили с кабардинским конвоем во Владикавказ. Но пока они находились в пути, Владикавказ пал. Кабардинцы повернули обратно, решив, что пушки им самим пригодятся. Но на земле ингушей им пришлось выдержать столкновение и пушки достались ингушам. Ингуши стреляли из них. Но не имея артиллеристов, управляли огнем так: если перелетит снаряд, то отвозили пушку назад, а если близко ударит - подвозили ближе к цели. Впоследствии ингуши наняли «спеца» и заставили его громить осетин и владикавказское население.

ХIII. Положение на Тереке и в Кабарде

Заур-бек называл Кавказ и, в частности, Терскую область «конгломератом народностей». И в самом деле: мешанина племен и наречий здесь трудно вообразима. Императорское правительство худо ли, хорошо ли державшее это в некоторой системе, рухнуло. О новом порядке рано было еще гадать. Происходили столкновения отвлеченных идей и проявления стихийных процессов.

Конец 1917 и начало 1918 годов прошли в анархии. Впрочем, анархия до некоторой степени продолжалась и несколько позже. И даже в текущем 1927 году приходили сведения, подтверждающие, что на Кавказе она не улеглась (при ком. власти - вряд ли и уляжется). Однако, последние месяцы 1917 - первые месяцы 1918 года были исключительно все-таки анархичными. Один за другим устраивались областные съезды (*Первый*

Съезд народов Терской области проходил в г. Моздоке (январь 1918 г.). Второй съезд в Пятигорске 4 марта 1918 г. признал власть Совета народных комиссаров на Тереке). Постепенно выяснилось все растущее влияние большевиков на этих съездах. Большевики, агитируя на Кавказе, не считались с велениями своей программы. Они «учитывали» обстановку. Только взяв во внимание принцип «учитывания», можно понять союз коммунистов и горских националистов-фанатиков, часто религиозных.

Глава чеченского большевизма Аслан-бек Шерипов оправдывал свое сотрудничество двумя мотивами: он считал, что от большевиков чеченские националисты получают больше, чем от остальных общероссийских группировок - во-первых. Во-вторых, он надеялся, что из всех общероссийских группировок - коммунистическая скорее всех и вернее всех приведет Россию к гибели. Тогда можно будет думать о самостоятельности и турецкой ориентации.

Ингуши приняли большевизм, потому что им хорошо платили и позволяли грабить казаков и Владикавказ. Осетины-дигорцы пошли за большевиками вследствие того, что им обещали землю. А земли в горах не хватало. Кроме того большевики убедили дигорцев, что их давно умерший деятель Кермен проповедовал то же самое, что и коммунисты. Отсюда вышло образование разновидности коммунистов: керменисты. Словом, коммунисты узнавали о вкусах и желаниях той или иной группы населения и потом заверяли эту группу, что только в союзе с коммуной можно добиться желаемого. Однако попутно они вели свою линию. Они устраивали единообразное управление краем путем введения советской системы. Это их единственная творческая тенденция силою вещей, силою того, что нужно же для жизни иметь хоть какой-нибудь порядок - оказала им громадную услугу.

С точки зрения теории государства на С. Кавказе в 1918— 1920 годах боролись:

- I. Местные, сильные поддержкой лучшей части населения, государственные органы, создаваемые самим населением, его «февральскими» вождями.
- II. Учреждения Добрармии, которые были нерешенным компромиссом между Императорским и новым порядком. Этим учреждениям повиновались, но им не сочувствовали. Сами служащие сознавали их временность.
- III. Советские учреждения, созданные по одному плану, не коммунистами выдуманному. Население не понимало и ненавидело эти учреждения. Но

именно они восторжествовали, т.к. были единообразны, сливаясь со всей общероссийской системой. Местные же, при всей поддержке населения, оказались слабы в силу своего разнообразия.

Терские казаки пошли за большевиками в очень ограниченном количестве. Повторяю, казакам специально-казачье «достижение» не обещалось. Остальные лица делали карьеру. Фронтовики не желали служить. Подонки казачества желали грабить. Перечисленные суждения объясняют казачий большевизм. В целом же, казачество было против большевизма, и первым подняло вооруженную борьбу. Что и понятно: у них отбирали землю, их станицы (Сунженская, Терская и др.) отдавались на разгромление ингушам и чеченцам; их офицеры арестовывались, расстреливались и т.д...

Кабарда приняла большевизм позже всех племен С. Кавказа. Долгое время в коммунистических газетах Нальчик назывался «последним гнездом контрреволюции». И если бы Кабарда была изолирована от влияний - в ней не было бы коммунизма вовсе. Но географическое положение Кабарды не исключало влияний. На Севере - группа минеральных вод, города: Пятигорск (Пси-Хуаба), Кисловодск (Нартсан) и др. расположены на земле еще не так давно принадлежавшей кабардинцам. Пятигорск влиял как главный большевистский центр области. Железная дорога Ростов-Владикавказ проходила мимо кабардинских селений, частью (Муртазово (*Ныне с. Дейское, КБР*)) через них. От ст. Котляревская идет ветка на Нальчик. Нальчик не стоит на главном пути, поэтому сюда «отряды», продвигавшиеся по главной линии, не заходили. На западе кабардинцами прижаты к горам балкарцы. Балкарцы (их 40 000 человек) вскоре поддались влиянию большевиков; последние обещали наделить их кабардинской землей.

На юге Большой Кабарды проходит линия соприкосновения с осетинами (горными и плоскостными). Казаки соседствуют с кабардинцами по линии ж.д. от Минер. Вод до Прохладной, а от Прохладной южнее разрезают кабардинские земли на две части: Большую и Малую Кабарду. Императорское Правительство в целях русификации и замирения края селило казаков и колонистов - выходцев из России мужиков «черезполосицами». Малая Кабарда окружена с Севера казаками, с востока чеченцами, с юга ингушами и осетинами, с запада казаками. Пограничное селение Лескен - полуосетинское, полукабардинское. Оно - предмет спора между этими народами.

Малая Кабарда под влиянием ингушей жила беспокойно. От малокабардинских «налетчиков» страдали сами малокабардинцы и казаки.

До поры, до времени спокойная жизнь Нальчика оказывала миротворное влияние на Большую Кабарду. Присутствие полка поддерживало надежды антибольшевиков.

XIV. Роспуск полка

В М. Кабарде стояла 4-ая сотня Каб. полка. Перед Р.Х. 1917 года она, защищая жизнь и имущество малокабардинцев, понесла потери. В числе убитых был корнет Григорий Александрович Мосолов. Вскоре после этого случая 4-ая сотня самовольно разошлась, потеряв надежды сохранить потом всадников, а офицеры ее с небольшим числом всадников, приехали в Нальчик.

В январе 1918 года произошло первое столкновение между полком и большевизинствующей частью населения. В первых числах этого месяца один из офицеров этого полка поручик Павел Захаров, проходя по улице вечером, увидел, что несколько человек собрались грабить дом еврейского семейства Белавицких. В числе грабителей был один всадник полка. Офицер приказал ему удалиться. Произошла перебранка: грабители обнажили оружие; поручик Захаров убил одного из них, остальные разбежались. В этот вечер каким-то кружком (кажется, польским) устраивался концерт-бал. Во все время революции, всюду, не прекращались балы и танцульки. Эх, и сама революция похожа на звериный танец - «танго смерти» - в большей и худшей части своих проявлений... После убийства и защиты Белавицких, Захаров скрылся. Ожидали, что большевики не замедлят воспользоваться этим случаем. Офицеры осведомили друг друга и всадников о случившемся. Часть офицеров оставила бал. На утро собралась толпа, ходила по слободе в поисках Захарова. Толпа остановилась около гостиницы, где жили офицеры, требуя выдачи убийцы. Захаров находился в гостинице спрятанный. В двух кварталах от гостиницы находилось офицерское полковое собрание. В собрании сошлись человек 18-20 офицеров с винтовками; они решили поддержать тех, кто находился в гостинице и охранял Захарова. Момент был такой, что один провокационный выстрел повлек бы за собой сражение. Но дело кончилось миром. Удалось убедить родственников убитого, что виновен был убитый; что для мести нет оснований; предложили им «выкуп за кровь». Родственники согласились.

На этот раз толпа разошлась, хотя негодование на «контрреволюционеров» не ослабло...

Власть в Кабарде принадлежала комиссару округа Гамиду Чижокову и его управлению. Все оппозиционные элементы, нападавшие на власть, требовали съезда. Власть откладывала съезд, ссылаясь на неблагоприятное положение в области и округе. Полк уже перестал получать инструкции из Владикавказа. Во Владикавказе было два или три правительства: Терско-Дагестанское, частью уже разбежавшееся; областное из горцев, казаков и местной интеллигенции; и совет народных комиссаров, приобретающий все новые позиции. Само собою вышло так, что на «островке» - в Кабарде - комиссар округа и командир полка составляли высшее правление.

Считалось уместным произвести некоторую «национализацию» полка. Это выразилось в добровольном отстранении полк. Абелова от дел; а и.д. комиссара полка перешло к кабардинскому полковнику Мудару Анзорову (*Мудар Кайсынович Анзоров - Георгиевский кавалер, генерал-майор. В феврале 1918 г. возглавил Кабардинский конный полк. В апреле 1919 г. стал командиром первой бригады Кабардинской конной дивизии.*). К этому времени грузины-офицеры уехали в Грузию. Однако настоящей «национализации» полка не было. Что видно из приема в полк двух русских офицеров-гвардейцев: Чичерина и Моклакова; и прием в полк вольноопределяющихся и кадет, отбившихся от корниловских частей и нашедших убежище в Нальчике.

При обсуждении вопроса о приеме в полк Моклакова (кажется, поручик) произошел инцидент. Одновременно обсуждали кандидатуру офицера-кабардинца кн. Магомета Мисостова (*Магомет Мисостов - офицер Кабардинского конного полка. Служил в белой армии в чине корнета, (см. Органы государственной безопасности и общество. Кабардино-Балкария 1920-1992. Сборник документов и материалов. Нальчик, 2007. С. 334-356).*). Этот Мисостов был в свое время вольноопределяющимся в полку, его послали в школу прапорщиков, и после производства в прапорщики приняли его обратно в полк. Теперь он вторично заявлял о желании служить в родной национальной части. Большинство офицеров Каб. полка были русские. Они выставили кандидатуру Моклакова, и он был принят. Офицеры-кабардинцы выставили Мисостова, но многие русские были против. Тогда Заур-бек произнес речь, где советовал всем быть более политичными и менее прямолинейными в интересах полка и народного спокойствия. Он говорил о необходимости в Кабарде считаться с кабардинским желанием. Часть русских офицеров, особенно шт. ротмистр

Ю.Н. Волошинов, были возмущены этой речью. Им казалось, что каждый, кто считается с революцией и ее настроениями, уже сам является революционером.

На почве описанного инцидента начались трения между офицерами. Но группировки составлялись не по признаку «русский-кабардинец», а иначе. Некоторые русские и кабардинцы были за Заур-бека, а некоторые русские и кабардинцы - против. В сущности же тут дело было не в лицах и во взглядах. Одна группировка (где был и Волошинов) не считалась с революцией и ждала удобного момента с нею покончить. Другая (где был Заур-бек) находила, что направить по желательному течению революцию можно лишь, войдя в нее, и различая здоровое от больного, полезное от вредного... Трения выражались в «закулисных» разговорах, подчеркнутой холодности и т.д.

Заур-бек и без того редко обедавший в офицерском собрании перестал его посещать. Но разговоры и пересуды его волновали и раздражали. Однажды он появился в собрании и попросил выслушать его. Он сказал, что находит свое положение не нормальным, что оно задевает его. В то время, как взаимная поддержка нужна более, чем когда-либо (говорил он), мы занимаемся недостойными пересудами. Какие-то люди - «летучие мыши» - чернят его имя. Пусть они смело выйдут и скажут в чем его вина, а не шушукаются по углам. Никто не вышел, а пожилые офицеры начали его успокаивать, и уверять в общей любви.

Через короткое время Ю.Н. Волошинов незаметно уехал. Убедившись, что в это время прямую борьбу с большевиками начать нельзя, он отправился в Персию и там поступил на английскую службу в 14-ый королевский гусарский полк. А Заур-бек в конце февраля поехал во Владикавказ, чтобы, как он говорил, «обозреть обстановку» и «понюхать воздух»...

К концу февраля и началу марта 1918 года нальчикская власть и общество отдавали себе отчет в неизбежности столкновения с большевизмом. Начались разрабатываться различные подходы к решению уже осязаемого конфликта. Были сторонники немедленной вооруженной борьбы. Их позиции укреплялись людьми, уже испытавшими гнет коммунистического режима. Это были беженцы с областей, где уже установилась Советская власть. Группа кабардинской молодежи, главным образом, интеллигенция, не служившая в полку, или в учреждениях требовала организации добровольческих отрядов и обороны Кабарды до последних сил. Открыта была запись в предполагаемый добровольческий отряд. Но записавшихся было немного. Да и трудно было ожидать создание отряда в

одну ночь неопытными молодыми людьми. Большим энтузиастом в этой группе был студент Батырбек Абуков.

Другая тактика подсказывалась местными социалистами: безболезненное признание Советской власти и через участие в выборах вхождение в состав местного Совета. Предполагалось (и наивно), что большевики пойдут на коалицию.

Управление округа и военное начальство придерживалось неопределенной линии: ни мира, ни войны. В их оправдание надо сказать, что велика была их вера в благородство, в духовную красоту и дисциплину кабардинского народа... И вера эта их не обманула. В самом деле: в Кабарде кабардинцами не устраивались ни погромы, ни расстрелы, ни насилие. Уже гораздо позже, наученные чужими примерами, да и то в слабой степени, кабардинцы местами обнаружили зверя.

Конечно, Кабарда не имела возможности для отражения Советских сил Терской области. И в начале 1918 года если бы она подняла такую борьбу, то без сомнения осталась бы в одиночестве. Все это вместе взятое привело к осознанию невозможности активной борьбы и временной ее нежелательности. Но одно дело сознание, а другое - чувство. Чувство подсказывало и гражданскому и военному составу нальчикских верхов, молодежи и офицерству, что лучше погибнуть, чем уступить...

В первых числах марта (кажется, 9-го) вернулся из Владикавказа Заур-бек. Ходили слухи, что будто его влекло туда желание не только осмотреться и выяснить обстановку; говорили, будто бы он там договаривался с некоторыми горскими деятелями о планах и путях борьбы с большевиками. Некоторые еще добавляли, что он получил большие суммы на организацию против-большевистского движения. Сам Заур-бек ни слова об этом никому не говорил. Утверждать что-либо положительное по этому поводу трудно. Но факт тот, что когда большевики в апреле (или мае?) посадили Заур-бека в тюрьму и предъявили перечисленные выше обвинения, то доказать ничего не смогли. Заур-бек поехал во Владикавказ в офицерской форме. А вернулся оттуда без погон, он сам их снял.

Правда, только с шубы. Все это вызвало много толков, особенно среди офицерства.

В марте месяце еще до возвращения Заур-бека командующий полком полк. Анзоров несколько раз собирал офицеров для обсуждения того, «что делать». В скорости после возвращения Заур-бека состоялось собрание (помнится, 18 марта), на котором был определенно поставлен вопрос: оставаться полку полком; оказывать ли сопротивление Советской власти.

На этом собрании присутствовали и всадники. Печальное, тяжелое было собрание. Говорили тихо, серьезно. Не было криков. Сознавалось, что положение грозное. Сознавалось также, что борьба для этой собравшейся горстки людей необходима из соображений простой самообороны. Однако, знали, что открытая борьба повлечет за собой слет всех банд и разгром всей Кабарды. Приходилось жертвовать. Было решено полк не уничтожать, а распустить всех офицеров по домам в долгосрочный отпуск. По настоянию Заур-бека, поддержанного большинством, постановили, во избежание эксцессов снять погоны и тут же друг у друга стали срезать погоны кинжалами. Были плачущие. Некоторые офицеры в тот же день уехали в свои аулы. Большинство оставило Нальчик. Всадники почти все (их было не более 100-120, а офицеров 30-35?) разъехались по домам.

В эти же дни - 18,19,20 и дальше шла подготовка к съезду и состоялся первый, называемый советским, Кабардино-Балкарский съезд. Он проходил шумно, но без особых конфликтов. Из Владикавказа прибыли два делегата большевиков г. А. - студент-ингуш и г. П. рабочий-грузин (*Первый Съезд народов Нальчикского округа (18-21 марта 1918 г.) провозгласил Советскую власть в Кабарде и Балкарии. Среди делегатов были: областной комиссар по национальным делам Гапур Ахриев, член Терского народного совета З. Палавандашвили.*). Они заверяли всех и каждого в терпимости и миролюбии власти рабочих и крестьян. И многие им поверили. Впрочем, это были лучшие из большевиков. Они, между прочим, устраивали с агитационной целью предварительные собрания. Приглашали всех и особенно офицеров. Делали теоретические доклады, потом шли прения. Некоторые офицеры ходили, участвовали в прениях, возражали...

Выше упоминалось о прибытии в полк вольноопределившихся юнкеров и кадет из отряда ген. Корнилова. Местные большевики знали их прошлое и открыто грозили им. В полку они были в безопасности. В будущем корниловцы ожидали, что кабардинцы, подобно черкесам, выступят против большевиков и тогда думали смогут найти себе применение. Но ожидания их не оправдались. Им оставалось одно: бежать... 21 марта они выехали поездом. Кто-то из местных большевиков предупредил об их выезде на ст. Котляревскую. А через последнюю в этот день проходили эшелоны Нежевасова (пятигорский бандит, его потом расстреляли сами большевики). Нежевасов спешил во Владикавказ добывать гидру контрреволюции. Его солдаты остановили нальчикский поезд и арестовали корниловцев, и, заодно, случайно ехавших двух офицеров и одного чиновника Кабар. полка. Большинство корниловцев было тут же

расстреляно. Часть - лично Нежевясовым... Господи, дай мир душам рабов твоих!... А офицеров и чиновников, как недоказанных врагов Сов. власти, повезли во Владикавказ. Ехавшая с одним из офицеров знакомая барышня, приятельница делегата г. А. дала ему телеграмму о случившемся. И студент-ингуш от имени пославших его потребовал освобождения арестованных. Арестованных освободили. Двое из них благополучно вернулись в Нальчик, а третий уехал домой, в М. По дороге на ст. Прохладной над этим офицером устроили самосуд, не кончившийся убийством благодаря заступничеству грузин из станционного буфета. Все же офицера арестовали и отправили в Пятигорскую тюрьму. Усилия его родных из М. и требование Кабардинского съезда спасли этого офицера. Требование Кабардинского съезда состоялось и было отправлено телеграммой по настоянию Заур-бека. Заур-бек сказал, что уверен, что кабардинский народ - защитник своих офицеров и гостей. И это осуществилось.

XV. Большевизация Кабарды и Заур-бек. Восстание на Тереке

Уже из того, что большевистский Совнарком не послал в Кабарду карательные отряды, а послал делегатов (г. А и г. П.); из того, что ни в Нальчике, ни в селениях террор не применялся, а по желанию и настоянию съезда террористический акт над сидевшим в Пятигорской тюрьме офицером не состоялся - из всего этого можно усматривать, что в отношении Кабарды коммунисты видоизменили свои действия.

Большевизация Кабарды проходила спокойнее, нежели в других местах области. Преследованию подверглись в первую очередь русские - нальчане. И обвинялись они по преимуществу в уголовных, а не политических преступлениях. Например, г. П-т сидел в тюрьме, обвиненный в хищении народных денег и подлогах; два-три офицера обвинялись в грабеже и т.д. Однако мало помалу небольшая нальчикская тюрьма стала заполняться.

Главные противники большевиков скрывались по аулам, в городе, в Осетии и т.д. Около слободы на противоположной стороне реки Нальчик, расположен кабардинский Вольный Аул. И в нем находили убежище преследуемые соввластью. Главный район действий соввласти ограничивался линиями железной дороги и городами. Перейти на другую сторону речки, как это было в Нальчике, они не решались.

Население Нальчика состоит в большей части из русских. Кабардинцев и горцев живет несколько семейств (до полутора-двух десятков). Есть армяне, грузины. Вплотную к слободе примыкают колонки: немецкая и еврейская («горские жиды» - журт по-кабардински, джигут - по-балкарски). В окрестностях имеются хутора русских и колонистов-мужиков. Большевики опирались на беднейшие слои населения слободы (таких было очень мало), на евреев, отчасти немцев и мужиков.

Солдаты артиллерийского дивизиона, вывезенные в свое время из Нальчика, частью вернулись и поступили на службу красным. Несколько офицеров (главным образом не состоявших в Кабардинском полку) приняли предложение формировать красную армию. Кабардинцы-большевики вели себя скромно. Все, что вызывало негодование населения (реквизиции, контрибуции, аресты) они сваливали на русских. Главный вождь кабардинского большевизма Назыр Катханов, о котором, как и о других, буду говорить ниже, мечтал вслух о создании кабардино-горской магометанской духовной академии; усиленно хлопотал о развлечениях, ухаживал за русскими женщинами, попав уже давно, впрочем, под каблучок одной из них, жены аптекаря...

Те из офицеров (полковых и иных), которые не скрылись из слободы, старались как-либо «приспособиться». Двое из них, очень доблестные и храбрые, открыли киоск. Кто-то по ступил в хор; другой учительствовал; еще один офицер спекулировал и т.д.

Заур-бек расклеил объявление: «Частный поверенный по гражданским уголовным делам Заур-бек Аслан-Бекович Даутоков-Серебряков принимает от ___ до ___ часов дня. Бульварная ул., д. № __. С делами политическими просят не обращаться».

Кажется, он действительно однажды выступал и выиграл чье-то дело...

Даром слова, ярким и убедительным, он обладал. Дни его жизни проходили довольно спокойно - в первое время. Он бывал в публичных местах, вечерами играл в карты, сидел в саду или ресторане. Некая г. NN привлекла его внимание и она и ее подруги в обществе бывали часто. Он по чинам и положению являлся старшим офицером в слободе. Казалось бы, большевики должны были в первую голову обрушиться на него. И они следили за ним довольно грубо и откровенно. Следили, но не трогали. Когда была объявлена первая регистрация офицеров, Заур-бек на нее пошел. На предложение служить в Красной армии ответил отказом. Явился он в совет с кинжалом и наганом. Хотели было отобрать оружие, но оказалось, что у Заур-бека имеется разрешение от самого областного

Совнаркома: предусмотрительный, он взял это разрешение при мартовской поездке во Владикавказ. Быть может, поведение большевиков объяснялось некоторыми надеждами на то, что Заур-бек будет у них служить. Напоминаю о своеобразной вражде между полковыми офицерами. Люди, в точности не знавшие смысла споров, говорили, что Заур-бек чуть ли не большевик. Эти слухи и сплетни в данном случае пошли на пользу.

Из интимной беседы, которую вел Заур-бек в то время с очень небольшим числом лиц и из отдельных фраз, сказанных уже впоследствии, но по поводу этого периода можно составить понятие о тогдашних настроениях Заур-бека. Он не считал политический момент характерным для большевизма. Общегосударственные и социальные теории советчиков казались ему делом второстепенным. Но их проповедь насилия, разрушения, их отвержение религиозных и семейных устоев, ненависть ко всему личному, национальному - словом, хаос, который представляли собою большевики и к которому они стремились привести Россию и Кавказ - вот это прежде всего оскорбляло Заур-бека.

Многочисленные беженцы из средней и северной части России, т.н. «бывшие люди» считали большевизм явлением чисто русским. Эти беженцы (среди них, например, тамбовский губернатор Салтыков, пензенский - Евренков, предводитель дворянства Батурный и мн. др.) верили, что кавказцы не поддадутся большевизму. Ибо, говорили они, у Кавказа нет необходимых предпосылок большевизма: вражды между верхами и низами народа: аграрное перенаселение, общая дикость мужицких нравов и пр. Они полагали, что горские обычаи, адаты, сравнительная обеспеченность жизни и пр. спасут и самих горцев, и их гостей от большевизма.

Напротив, Заур-бек видел в стихии большевизма явление более общего характера. Во всяком случае, был убежден в том, что этой болезнью переболеют и горцы, и кабардинцы. И что излечиться от нее можно лишь перенеся кризис. О себе самом Заур-бек со свойственной ему верой в себя, думал как о человеке, которому дано распознавать симптомы болезни, наступления кризиса и нахождения средств к искоренению большевизма. «Наступит перерождение масс, - говорил он, - и тогда...».

Он жил на Бульварной улице, занимал небольшую комнату, спал на походной кровати. По стенам были развешены кинжалы, шашки, карабины, маузеры, карты и т.д. Походная обстановка. Но рядом - и изящество: ковры, кружевные занавески. В конюшне стояла Дина. Он сам

за ней смотрел, т.к. «австриенок» (галичанин) Гаврюшка не умел убирать лошадь по требованиям Заур-бека. В передней стоял сотенный значок: на пике был голубой сотенный прапор, полумесяц и звезда. Верх украшался белым конским хвостом...

Напротив его квартиры находилась третьеразрядная харчевня, откуда в дни безденежья он брал в кредит обеды. Однажды, около полуночи, в его окно сильно постучали. Он схватился за оружие. Прибежал, оказывается, хозяин харчевни жаловаться, что в его помещении солдаты-красноармейцы отбирают у одного постояльца винтовку. Заур-бек наскоро оделся, пошел в харчевню. Действительно, там стоял крик и гам. Несколько солдат вырывали у кабардинца винтовку. Тот отчаянно сопротивлялся. Солдаты кричали на него и ругали матерно. Вокруг собралась толпа. Заур-бек локтями прочистил себе путь в центр схватки и громко крикнул: «Кто здесь смеет на кабардинской земле ругать по матери кабардинца?». Сразу стало тихо. Потом солдаты снова потребовали винтовку. Заур-бек сказал им, что винтовку они не получают, пока не предъявят ордера или мандата. Старший солдат побежал в управление за ордером. Заур-бек взял у кабардинца винтовку и успокоил его, что если винтовку и возьмут, то на утро, благодаря ему, вернут обратно. Со старшим солдатом пришел начальник милиционной стражи (б. офицер, знакомый Заур-бек). Произошла некоторая перебранка, кончившая выдачей кабардинцу права на ношение оружия.

Думается, что Заурбек во все это вмешался, желая составить в народе выгодное о себе мнение. Надо удивляться тому, сколь многое из делаемого Заур-беком сходило благополучно. Правда, не одну ночь ему пришлось стоять с карабином в руках, ожидая покушения на себя. Но все же ему удавалось совершенно безнаказанно давать щелчки большевикам. Обыск, произведенный ночью у него на квартире, закончился вот чем. Пришли солдаты, с ордером и пр. (кстати, Заур-бек следил за советскими декретами, знал их хорошо и в сношениях с большевиками опирался на «революционную законность»). Он отдал им карабин, револьвер. Без их требования отдал и кинжал и пояс, говоря, что пусть лучше все вместе лежит, т.к. завтра утром он все это возьмет обратно. Но когда обнаглевшие большевики собрались отобрать и Дину, он этого не допустил. На следующее утро, в черкеске, без оружия и пояса (так носят черкеску одни евреи) он пошел в комиссариат, в отдел реквизиций. Им заведовал некто Х. (офицер Кабардинского полка по духу из так называемых «химических»). Почти дословно произошел такой диалог:

З.: - У меня было незаконно отобрано оружие. Я пришел получить его обратно.

Х.: - Вы его не получите, мы офицеров не вооружаем.

З.: - Я имею разрешение от краевого Совнаркома. Вы не смеете отказывать моему законному требованию. Потрудитесь немедленно вернуть оружие.

Х.: - Вы угрожать думаете? - ничего не получите, можете идти.

Тут уж Заур-бек не выдержал: «Ах ты хаматхитхул (с. .с...) по-кабардински, - закричал он, - неси сию же минуту оружие, не то я проломлю тебе твою паршивую башку и скроюсь, подниму восстание против вашей собачьей власти...».

В объяснение этой фразы надо добавить, что наряду со слухами о Заур-бековском большевизме говорилось и прямо противоположное: говорили, что он еще во Владикавказе получил деньги на восстание и понемногу организывает его. Заур-бек, смотря по обстановке, жонглировал этими слухами к своей выгоде... Через несколько минут, через весь Нальчик, в полном вооружении своей незабываемой походкой шествовал довольный своею победой Заур-бек.

Порою его нападки на советскую власть принимали слишком задорный характер. Например, однажды ночью его остановил патруль вопросом, кто и куда идет. Заур-бек спросил их: «Вы от совдепа?» - «Да, от совдепа» - отвечали солдаты. - «Так пойдите сейчас же в совдеп, - деловым тоном порекомендовал Заур-бек, - и скажите ему, что шт.-ротмистр Даутоков-Серебряков послал вас к е... матери». Повернулся и ушел. Его не задержали... Но все эти выходки (привожу далеко не все) в конце концов привели к тому, что он был арестован и посажен в тюрьму. Согласно революционному законодательству, Заур-бек потребовал, чтобы ему в 24 часа предъявили обвинение. Вот тогда большевики пробовали доказать, что он имеет связи с Терско-Дагестанским правительством во Владикавказе. Но это им не удалось. Напротив, Заур-бек по числам, письма и газетам доказывал, что когда он был во Владикавказе, то Терско-Дагестанское правительство уже бежало оттуда. Это обстоятельство и крайнее недовольство арестом со стороны кабардинцев и балкарцев, служивших у большевиков, вынудили последних через три дня освободить Заур-бека.

К июню месяцу 1918 года положение соввласти на Северном Кавказе было таково. За Кавказским хребтом самоопределились Грузинская, Азербайджанская и Армянская республики. Там опоры для советской власти не было. По побережью Каспийского моря, от Баку до Петровска, опираясь на англичан, действовал Лазарь Бичерахов, антибольшевик. Вооруженная борьба генерала Корнилова на Кубани и Донского войска у себя угрожали и местами прерывали сообщение между московскими и северокавказскими большевиками. Когда позже добровольцы и кубанцы захватили Кубань и Ставропольскую губернию, сношения между Северным Кавказом и центральной Россией шли через Астрахань по Волге. Астрахань - твердый пункт советской власти. В Дагестане находилось бежавшее Терско-Дагестанское правительство, турецкие эмиссары и другие элементы, враждебные большевикам.

Терская область представляла такую картину. Казаки окончательно трезвели от большевизма. С минуты на минуту можно было ожидать с их стороны вооруженное восстание. Чеченцы не шли в большевизм, но с большевиками. Чеченцев 600000 человек (*В то время чеченцев насчитывалось около 291 тыс. человек.*). Они не любят русских. Не любили и русских большевиков. Учреждений советских они не приняли. Жили по своим законам, т.е. как народ - анархично, но каждая семья, каждый аул - дисциплинированно. В борьбе с казаками большевики могли рассчитывать на помощь чеченцев. Но эта помощь зависела не от симпатий к соввласти, а от антипатий чеченцев к казакам. Помощь не могла быть надежной и продолжительной.

Близь Владикавказа скрещиваются три враждующих элемента Терской области: казаки, ингуши и осетины. Большевики имели больше связей в Ингушетии. Но ингушей мало: 40000-50000 (*В то время ингушей насчитывалось около 72 тыс. человек.*). Они служили у большевиков за деньги; анархия в крае, наступившая с приходом советской власти, очень нравилась ингушам. На свою землю они не пускали никого. Конечно, и большевиков (в ингушских аулах, в силу гостеприимства, скрывалось много антибольшевиков). Было понятно, что в случае колебания сов.власти ингуши ее не поддержат; но помогут ее добить, чтобы оправдаться перед антибольшевиками. Осетины-ироны (плоскостные, вместе с казаками были явно против большевиков и против ингушей). Но и между ними (иронами и казаками) были трения. Разжигая вражду между казаками, осетинами и ингушами, большевики весь 18-й год сумели удержать за собой Владикавказ. А он осаждался превосходными силами... Осетины-дигорцы (горцы), особенно керменисты, были союзниками большевиков. Но при всей их ловкости и храбрости роль их была

невелика. Кабардинцы в массе были против соввласти. Но трудно было ожидать, что Кабарда самостоятельно выступит против большевиков...

Итак, весь этот обзор настроений указывает, что положение соввласти в крае и в области было неустойчивым. Тем не менее соввласть вела себя так, что несколько месяцев их владычества (порою 3-4) создавали почву злобы и ненависти, из которых рождалось восстание. Большевики «распоясывались» вот почему: они сами по преимуществу горожане; они первым делом захватили города и железные дороги. И получали уверенность, что благодаря этим захватам они владеют краем. В этом и была их ошибка. Аулы, селения, станицы, деревни и т.д. не приняли большевизма, а при первой возможности поднялись против него.

С другой стороны, есть еще одно объяснение самоуверенной деятельности соввласти: в эти месяцы через Северный Кавказ проходили разложившиеся полки Кавказской армии. Большевики очень быстро обрабатывали их; они составили и гарнизоны, и полевое войско. Владея городами и наскоро сформированными красноармейскими частями они полагали, что имеют все данные для осуществления «диктатуры пролетариата». Реквизиции, контрибуции, мобилизации, регистрации и т.д. наконец - расстрелы. Вот методы управления сов.власти и эти методы не могли не вызвать реакцию.

Первыми восстали казаки. Очаги восстания имеют такое расположение, что наводят на мысль о некоторой закономерности. Именно повстанцы вербовались преимущественно в станицах и селениях, расположенных около города. Например, около группы Минеральных вод - станица Бургустанская, Суворовская, Марьинская. Еще характернее - станицы Чуковская, Ново-Осетинская, Черноярская - близ Моздока. Далее - станицы и селения, восставшие на Владикавказ, на Грозный и Кизляр.

Для возникновения и развития восстания было важно, чтобы соввласть в достаточной степени озлобила население или, чтобы город в достаточной степени покусился на провинцию. С этой стороны в первую очередь страдали ближайшие к городу селения и именно они первые восстали.

Далее, для организации восстания необходим был интеллектуальный элемент. А он опять-таки в лице деятелей общества и офицеров находился в городе и ближайшую поддержку получал от окрестных селений. Наконец, силою вещей борьба с сов.властью выразилась в борьбе против городов потому, что как сказано, только в городах большевики и властвовали. Почти одновременно в начале июля казаки, местами (Моздок, Владикавказ) поддерживаемые осетинами, вступили в прямую

борьбу с советской властью. Владикавказ, Георгиевск и станица Бургустанская были первоначальными пунктами гражданской войны в Терской области. Первое, что предприняли большевики - это установление связи между своими органами и частями и изолирование повстанцев друг от друга и от возможных союзников. С этой целью была усилена охрана железных дорог. Кабарда, имевшая ветку от ст. Котляревской, была заперта отрядами, находившимися между Котляревской и Прохладной. О ходе восстания в Нальчик определенных сведений не поступало. Носились неопределенные и грозные для большевиков слухи.

XVI. Кабарда и Заур-бек перед восстанием

Главным лицом в Нальчике (не говорю в Кабарде, т.к. Кабарда мало испытывала влияние слободы) был приезжий комиссар Сахаров. Утверждали, что он еврей. В обществе некоторые находили его «симпатичным». Кабарда рассматривалась советами автономной республикой. Были образованы «наркоматы» (хотя в общежитии чаще говорилось, и говорилось иронически, министерства); они все помещались в 2-3 комнатки старого здания Реального училища. Новостью было учреждение военно-шариатского суда, игравшего роль реввоен-трибунала. В виду весьма очевидных функций этого учреждения, не нашлось желающих из людей, имеющих что-либо общее с юриспруденцией, стать во главе его. Военно-шариатский суд возглавил некто К., балкарец, человек едва ли нормальный. Суд назывался шариатским потому, что предполагалось судить по шариату (мусульманским законам). В самом деле, одного вора присудили к отсечению руки. Долго искали палача, который согласился бы привести приговор в исполнение. Нашли-ли? Исполнили ли? - не могу сказать. В те времена каждый день, каждый час приносили все более и более «пикантные» новости. Внимание развлекалось. Лица, которых спрашивал о судьбе осужденного подтверждали, что такой приговор имеет место. Но на вопрос: что же было дальше? - отвечали: «А черт же его знает, что?»...

Восстание терских казаков сильно нервировало сов. власть в Нальчике. Производились обыски, аресты. Иногда «пропадали люди». Утверждали, что они расстреляны большевиками: тайно. Для организации отрядов Красной армии нужны были деньги. Соввласть потребовала контрибуцию, разложила сама, кому из «буржуев» и сколько надо платить. Система, без

сомнения, удобная: позвольте мне вооружиться на ваши деньги, с тем, чтобы потом владеть вами. Для конницы реквизировали лошадей.

Охрану города и окрестностей несла милиция; эта милиция происхождения не революционного. После первой революции она пополнилась, а при большевиках разрослась еще сильнее. Служили в ней помимо старых милиционеров, вышедшие из Кабард. полка всадники. Многие, большинство, милиционеров очень хорошо относились к своим офицерам, к антисоветскому населению Нальчика. Напротив, некоторых советских служащих держали в терроре. И все же эти милиционеры служили комиссарам, исполняли их распоряжения...

Красноармейские части, состоявшие из русских и евреев (в неожиданно большом количестве, из местной колонки), служили и за страх и за совесть.

Весьма трудно уловить взаимные отношения между представителями сов. власти и отрядом полковника Баразби Мамышева. Этот полковник числился по Каб. полку, но в полку не бывал. Занимался политикой, имел влияние. Все с ним могли договориться: белые, красные, националисты, социалисты. Впрочем, он оставался военным всегда и всегда у него бывал свой отряд; и не малый: доходило до 200 всадников и больше. Но они никогда не воевали. До прихода большевиков считалось, что он один из видных противников советов. При большевиках он, каким-то непостижимым образом имел отряд. После свержения большевиков он оставался в Нальчике... Уже впоследствии, при ген. Деникине и правителе Кабарды кн. Бековиче-Черкасском он занимал должность. При уходе белых, опять остался в Нальчике и опять во главе как-то сразу образовавшегося отряда. Был он многими уважаем, но и ругаем. Высокий, красивый, седой, с сухим профилем, похожий на В.Кн.Николая Николаевича (чем гордился) он остается неразгаданной фигурой. Ходили в 1920-22 годах слухи о его смерти, о расстреле. Но, возможно, он жив... Повидимому в лето 1918г. большевики на него и его отряд рассчитывали...

Из видных большевиков следует упомянуть Видяйкина (служил на почте телеграфистом), Ахохова и Сокур-Мута. Сокур-Мута был малокабардинец; по-кабардински жители Малой Кабарды называются гияхстаней. Сокур-Мута значит кривой (кривоглазый) Мута. Все они «вышли из народа».

Кабардинцы в социальном отношении делятся на: 1 - князья, их немного, пять-шесть фамилий: Атажукины, Эльбездуковы, Мисостовы, Карамурзины (вымирают), Наурузовы, Докшукины (вымирают). 2 -

высшее дворянство, три фамилии: Куденетовы, Анзоровы и Тамбиевы; 3 - обыкновенное дворянство - кабардей-ворки, их, вместе с двумя первыми разрядами, до 25% населения. 4 - вольный народ, и бывшие вольноотпущенники, 5 - народ просто, бывшие раньше в рабстве. Между этими слоями населения вражды не было. При освобождении рабы получили землю, луга, скот. Бедных в Кабарде не было. Закон и обычай одинаково почитался всеми. Надо сказать, что кабардинцы в целом - аристократия Сев. Кавказа... Все же и среди кабардинцев нашлись большевики. Их характеристике будет отведено особое место...

Противобольшевистское движение в Нальчике началось так. Корнет Кабардинского кон. полка князь Ваню Церетели, счастливо избежавший ареста, скрывался в Вольном Ауле. Он подозревал или знал, что некоторые его друзья арестованы и расстреляны большевиками. Он считал, что главным виновником большевизации Кабарды и упомянутых сейчас событий является комиссар Сахаров. Всех большевиков вместе и отдельно он считал своими врагами, как разлагателей Армии и погубителей России. Ваню выследил, когда Сахаров вечерами возвращается домой и бывает один в номере гостиницы, где жил. В очень поздний вечер Ваню проник в этот номер. Постучался. Сахаров впустил. На столе у него лежал револьвер. Чтобы не ошибиться, Ваню спросил: «Вы комиссар Сахаров?» и после утвердительного ответа воткнул ему кинжал между ребер и, высунув, скрылся. Вопль и рев комиссара огласил и потряс и перепугал Нальчик. Сахаров, придерживая руками рану, и оставляя широкий след крови, бежал к скверу, упал под одной из лип и умер. Куда он направлялся, осталось невыясненным. Ваню сообщил, что это он убил Сахарова, просил не преследовать других за его поступок. Преследования все-таки начались, а на Ваню устроили форменную охоту, чему он сам как будто был доволен и этим развлекался. Большевики не осмелились перейти на другую сторону реки, в Вольный Аул. А там, как всем было известно, скрывался Ваню. От вольноаульцев потребовали выдачи, но обе стороны сознавали условную формальность требования. Ваню часто заходил в Нальчик. Ему нравилось вдруг показаться в публичном месте и показать комиссару язык или нос. Однажды он отнял винтовку у часового и т.д. Обозленные большевики устраивали засаду на реке, дожидаясь его возвращения. Случалось, стреляли по нему. Но пули врагов не трогали Ваню. Он был убит «другом», своим «белым» несколько месяцев спустя...

Похороны Сахарова, очень пышные, состоялись в виде нарочитой политической большевистской демонстрации. За гробом шли все советчики и почти все красноармейские части. Во главе колонны двигалась уже упоминавшаяся милиция с пением молитвы «Зекир» (ля-

иль-аллахиль-Алла...), закончив которую с воодушевлением запели «Оружием на солнце сверкал». Эту песню они исполняли, в большинстве, не понимая слов; выучили еще в Кабард. полку на австрийском фронте, Конников было очень много. Кабарда - конное царство. Там от квартала к кварталу передвигаются верхом. Всегда находится достаточное количество верховых, гарцюющих ради самого гарцования на любых торжествах... Заур-бек с группой друзей, стоял на главной улице, пропуская мимо себя процессию. «Скоро этим молодцам будет работа» - сказал он, указывая на конные группы. Впоследствии фразу эту рассматривали как предсказание или пролог...

Убийство Сахарова переполошило и нальчикских, и владикавказских большевиков. Первые требовали у вторых усиления гарнизона. Вторые рекомендовали первым принять меры. И «меры» были приняты. У правого и виноватого отбирали оружие. Никто не был гарантирован от ареста, обыска. Началась усиленная агитация против имущих слоев населения. А т.к. в Кабарде почти все имущие, то наускиванием воспользовались абреки и деморализованные люди. То там то здесь происходили грабежи. Большевики давали им политический оттенок. Негодование же населения росло...

В географическом центре Большой Кабарды расположено русское селение Баксан. Жители его, колонисты мужики, живут безбедно. Чтобы обольшевичить население Баксана большевики убедили его в том, что кабардинцы собираются вырезать и выжечь все русские поселения, находящиеся на кабардинской земле; и что единственное спасение баксанцев состоит в принятии большевизма и в союзе с Красной армией. Среди баксанцев нашлись лица, уверовавшие в коммунизм; нашлись и демагоги и просто социально-опасные люди, которые все вместе, в конце обольшевичили селение Баксан. Все селение вооружилось, появились пулеметы. Кабардинцы с удивлением и тревогой наблюдали вооружение баксанцев. Между давнишними соседями - существовали добрые отношения. Теперь все шло на смарку. Баксаном верховодили люди чуждые традиций. Не ожидая кабардинского нападения, баксановцы сами начали действовать. Их поведение еще более усилило анти-советское брожение в Кабарде...

Заур-бек внимательно присматривался и прислушивался к тому, что делается в области и в Кабарде. Зрели какие-то планы. Но он никому на слова не говорил, совершенно основательно полагая, что лучшая конспирация та, когда тайну знает один. Заур-бек лично сам выкроил и сшил патронташ: в трех ярусах помещалось 270 патронов. Образа жизни

не менял, показывался в ресторане, саду и т.д. Большим событием в жизни Нальчика явился очередной июльский концерт-бал. Заур-бек вошел в число участников концерта, в качестве декламатора. Начался концерт, публики было много. Зал и хоры переполнены. На хорах целый отряд красноармейцев. Некоторые с винтовками. В те времена в моде было обвешиваться оружием; не говоря о кинжалах, шашках, револьверах - носили винтовки, обкручивались пулеметными лентами, к поясу привешивали бомбы и т.д. В таком наряде и на бал ходили, а иные и в пляс пускались... Спела певица, пробарабанил пианист. Еще какие-то номера. Потом на сцену выходит несколько бледный и волнующийся Заур-бек. У рояля садится аккомпанировать г-жа Ш., очаровательная блондинка. Вот что прочел Заур-бек:

Сон

Я заснул. ..и в тревожном том сне

Дрожь и холод от ужаса шли по спине,

А среди образов странный увидел во тьме

Великана-громаду на дивном коне.

И спросил, лепеча, я со страхом тогда: Кто ты?

И услышал:

- Кто я? - Кабарда.

Позабыв свои страхи, себя забыв,

Страдая за родины счастье и честь,

Я, с досадой старался ему перечесть Все,

что слышал и думал, что видел и знал,

Чем душой кабардинец так много страдал...

- Кабарда? Неужели? Этот рыцарь-джигит,

Эта слава Кавказа; его вольности щит -

Нет, не верю!...

и вновь зазвучало тогда: «Я - Кабарда».
- Кабарда! где ж твоя жизнь лучезарная,
Верность в любви, в мести коварная,
Слава джигитов нетленная,
Где старина та священная?
Где твои песни тягучие,
Где твои слезы горячие,
Где твои бурные радости
В мощных сынах вольной молодости?
Где твои тучные нивы,
Где скакуны длинногривые,
Где твои быстрые абреки?
Где наша мудрая чинность,
Где адыгейца повинность,
Гостю и старшим почет,
Где еще хабза живет?
Где наши речи кунацкие,
Где отношения братские,
Где так звучавшая часто
Мыр зи дишуугх наста...
Разве навеки кануло.
Что в твоём сердце уснуло,
Разве расстаться не жаль

*С мудро-прекрасным а жаль?
Разве ты можешь спокойно
Носить свое имя достойное -
Не сознавая вины:
Не признаешь старины!
И сурово в ответ прозвучало,
И вошло в сердце больно то жало,
И забилося оно, трепетало,
От восторга чуть-чуть биться стало:
- Малодушный саби! ты разве забыл
Чем всегда правоверный наш жил?
Ты забыл, что в борьбе за свой край,
В небесах уготован борцам светлый рай,
Так запомни же вешее слово,
Для джигитов оно ведь не ново:
Благословением для каждого брата
Пусть будут святыя слова газавата:
Доколь священное ля-иляха-илля-Аллах-
зеленое знамя с луной,
Не будет и места для страха
В сердцах всех вступающих в бой!...*

По мере того как, читая, вдохновлялся Заур-бек - росло и ширилось возбуждение зала. Незримые, но ощутимые волны мыслей пробежали огненным током. Слово «газават» (священная война против недругов) испугала русских. Какой-то смертельно-бледный господин вывел, во

время чтения, свою супругу. Кое-кто пробирался поближе к выходу. В наступившей жуткой тишине раздался внятный голос: «товарищи та вин призываэ!» Так совершенно правильно определил клич Заур-бека какой-то хохол-красноармеец, сидевший на хорах. Его реплика, потонула в буре рукоплесканий и криков, раздавшихся спустя секунду...

Из стихотворения видно к чему звал Заур-бек. Он стремился к сохранению и возрождению того особого, красивого, национального, что составляет сущность «напа» (кабардинское понятие, соответствующее русскому: лицо, личность). Здесь не было прямой борьбы против чего либо, но за религию, обычаи, красоту. Впечатление, оставленное декламацией, долго не улеглось. Заур-бек умел читать сильно, страстно, победительно. Передавали, будто большевики требовали от Заур-бека подписку о не выступлении с этим и подобными стихами. Верно, что они взяли с него подписку о невыезде из Нальчика...

За день до своего выступления Заур-бек был в гостях на даче в окрестностях Нальчика. Шутил, ухаживал за дамами, брэнчал на гитаре. Он был глубоко убежден в том, что имеет много единомышленников. Но у него не было ни одного сообщника. ..

На рассвете июля двадцать четвертого дня, имея на себе 270 патронов, вооруженный кинжалом, отцовской шашкой, ногойкой, маузером и карабином, с пикой в руках, на которой трепетал бело-голубой значек, Заур-бек выехал из Нальчика. Он двинулся навстречу солнцу, на восток, к Тереку. Около р. Шалушка его осветило солнце. Он остановился и еще раз осмотрел подступы к Нальчику - сердцу Кабарды. В его сердце жила надежда.

XVII. Один в поле воин

Заур-бек двигался по дорогам и без дорог в направлении к Тереку, к переправе у станицы Солдатской. Какие-то любопытные встретили его, спросили, куда идет. Он ответил: «В гости к Хабижу Абдурахманову» (*Абдурахманов Хабиж Хажибекевич участвовал в Первой мировой войне в составе Кабардинского конного полка (Дикой дивизии). В 1918 г. примкнул к отряду 3. Даутокова-Серебрякова. В 20-х гг. эмигрировал.*). Недалеко от переправы с кабардинской земли на казачью была еще одна встреча: с бывшим всадником III-й сотни Хацу. Они были вдвоем в поле. Заур-бек сказал ему, куда и во имя чего идет и предложил ехать вместе. Хацу, без колебаний, согласился. Заур-бек счел его охоту добрым

предзнаменованием. По прибытии в Солдатскую Заур-бек нашел коменданта повстанческих терских войск. Попросил его отвести помещение для «штаба отряда». - «Где же отряд?» - спросил комендант. - «Инш-Аллах будет», - уверенно ответил Заур-бек... В первые дни он занялся изучением обстановки. Она была такова. В г. Моздоке находился центр восстания; там сорганизовался Казачье-Крестьянский совет во главе с Георгием Бичераховым, братом Лазаря (*Полковник Лазарь Федорович Бичерахов. Боролся с советской властью в Дагестане. Оказывал поддержку Терским антибольшевистским силам.*). В ст. Прохладной стоял штаб полевых войск; командующий армией генерал Эль-Мурза Мистулов (осетин-казак, герой японской компании и Великой войны), раненый, находился в отсутствии. Его замещал полковник Федюшкин. Сплошного фронта не было. Характер войны - партизанский. На востоке казаки осаждали Кизляр, южнее - Грозный. На севере, против Ставрополя, тянулся прерывистый фронт по р. Куре. Командовал фронтом полковник Иван Петрович Барагунов (женатый на сестре Заур-бека). Около Георгиевска заканчивалось неудачное восстание против красных. Спасавшиеся бежали к Прохладной и Солдатской. Т.н. Прохладненский фронт продвинулся на высоту станции Аполлоновской, станицы Марьинской. Здесь работали два брата, оба полковники, Владимир и Константин Агоевы. Между Прохладненским и Курским фронтами, против Георгиевского монастыря, находился отряд полковника Астемира Кибирова (этот Кибиров в свое время ликвидировал восстание и отряд Зелим-Хана) (*Зелим-Хан Гушмазукаев. Знаменитый чеченский абрек из аула Харачой.*). Кибиров временно находился там...

Большевики стояли в Кизляре, опираясь на Астрахань; в Грозном, где смелый, решительный и талантливый вождь большевиков шт.-капитан Левандовский превратил Грозный в крепость и стойко выдерживал осаду.

Главные силы большевиков находились в районе Святого Креста, Георгиевска и владели линией железной дороги, связывающей эти пункты. В Пятигорске и вообще на группах Минеральных вод они имели вторую базу. Севернее Кисловодска, около Бургустанской, действовал отряд Шкуро (*Шкуро Андрей Григорьевич - казак. В июне 1918 г. поднял антибольшевистское восстание в районе Кисловодска. Генерал-лейтенант белой армии.*). Шкуро имел связь с Покровским (*Покровский Виктор Леонидович. Генерал-лейтенант. В январе 1918 г. сформировал на Кубани добровольческий отряд Со 2 ноября 1919 года по 8 марта 1920 года - командующий Кавказской армией.*), а дальше - с Добровольческой армией. На юге повстанцами осаждался Владикавказ. Получался поистине «переплет» и страшный переплет...

Обе стороны дрались жестоко. Ходила фраза: «Война на уничтожение». Некоторые отряды той и другой стороны пленных не брали. Оружием и вооружением неизмеримо богаче были красные. Но они были хуже организованы и хуже питались (их базы - города). Повстанцев воодушевляла любовь к родине, к своему краю; они подвижны были чувством самосохранения; они изгоняли и истребляли «чужих», «бродяг». Большевиками руководили фанатики, они говорили, что идут против националистов, офицеров, за власть трудящихся. Они «душили пожар - контрреволюцию наймитов международного империализма» и т.д. Бились жестоко.

У красных сил больше. Они предприняли принудительную мобилизацию. Белых было немного, но почти все - добровольцы. Белые брали качеством, красные - количеством. По грубому подсчету, к 1 августа на Прохладненском фронте белых было тысячи полторы; против них красных - тысяч 6. На Курском - белых 800-1000 человек, красных - до 4—5 тысяч. Считаю на фронте. У красных часто митинговали; будучи разбитыми, они разбегались. Только надежные части держались стойко. Но они редко принимали участие в бою: они гнали в бой и охраняли базы и комиссариаты. Хорошо действовали бронепоезда. На Курском фронте хорошую красную конницу составляли терские казаки станицы Государственной. Скверную сторону белых отрядов составляла т.н. смена. Казаки, особенно нищие, пластуны, слетались на фронт: одни поехали в станицу, другие - на фронт. Это обстоятельство не раз заканчивало бой ничем или поражением (например, бой на р. Этоко, о чем ниже). Это же обстоятельство в числе других предreshало неудачу всего движения. Но вообще говоря, белые воевали лучше. После неудачного боя не разбегались. Дисциплина сохранялась. Вооружение, снаряды, патроны доставали у красных с боя. Сверх того покупали, и очень дорого, у чеченцев и ингушей. В свое время казаки почти задаром отдавали тем и другим «лишнее»...

В Кабарде очень скоро узнали о том, куда и зачем поехал Заур-бек. Начали собираться добровольцы. В первые несколько дней прибыло девять человек. Из них один офицер - корнет Ибрагим Лафишев (*Лафишев Ибрагим Абубекирович - участвовал в Первой мировой войне в составе Кабардинского конного полка (Дикой дивизии). В 1918 г. одним из первых примкнул к отряду З. Даутокова-Серебрякова. В 20-х гг. эмигрировал.*) из селения Лафишево (*Ныне с. Псыхурей, КБР.*). Все были на конях, но не все имели винтовки. Заур-бек составил программу, выражающую идеологическую и политическую сторону организуемого им движения, послал ее в Моздок напечатать. 20-го

августа (все числа по старому стилю) она была опубликована в таком виде:

Чего мы добиваемся в Кабарде?

Программа Кабардинской революционной партии «Свободная Кабарда»

- 1. Кабарда должна устраивать свою жизнь на основе самоопределения, без угрозы штыков.*
- 2. Все граждане в Кабарде имеют право собирать сходки и устраивать митинги.*
- 3. Кроме Окружного народного совета Кабарда должна иметь национальный кабардинский совет, для дел чисто кабардинских.*
- 4. Национальный совет Кабарды должен работать в контакте с другими советами.*
- 5. Красная Армия из кабардинцев, балкарцев и русских должна быть распущена, оружие отобрано.*
- 6. Кабарда должна иметь национальное войско из людей честных, не ворующих, по жеребьевке, без различия сословий. Оно должно защищать территорию Кабарды, прекратить увеличившееся воровство и грабежи и быть силою в руках Национального совета.*
- 7. Все русские села, хутора и слобода Нальчик должны быть разоружены - оружие им должно быть оставлено только в количестве, необходимом для самообороны. Это оружие должно быть в ведении комиссаров самообороны, на учете и выдаваться очередным. Всеми сельскими обществами должна быть выдана подписка, что впредь они самолично обязуются не выступать ни на чьей стороне без согласия кабардинского народа. Жизнь и имущество иногородних должны защищаться всей Кабардой. Всякое усиление вооружения в слободе и селах тайным образом будет рассматриваться партией, как враждебный акт против Кабарды, привыкшей ко всем относиться братски.*
- 8. Никто не имеет права на кабардинской земле отбирать оружие у кабардинца и самочинно арестовывать без приказа Национального совета.*

9. Раздел земли, выборная народная власть, сельские советы и комиссары остаются в селениях; где таковые причинили вред обществу они должны быть переизбраны.

10. Партия «Свободная Кабарда» выступает главным образом в защиту темного неграмотного запуганного простого народа, не знающего всех своих прав, полученных свободой. Князья и дворяне, которые желают народу блага, обязаны присоединиться к нам. Тех же из них, кто вздумает становиться нам поперек дороги, партия объявит врагами Кабарды и предаст их беспощадному народному суду.

11. Партия «Свободная Кабарда», святая задача которой заключается в доставлении народу действительной свободы, затоптанной ногами авантюристов, будет до конца биться с врагами народа с оружием в руках.

12. Партия «Свободная Кабарда» считает необходимым легальное существование партии, дабы стоять на страже полученных свобод, помогать простому народу и быть всегда готовой с оружием в руках выступить против всяких выступлений контрреволюционного характера.

13. Да здравствует свободный кабардинский народ! Долой угнетателей, долой диктатуру штыков! Все идите к нам в отряд Свободы!

**Председатель партии
Заур-бек Даутоков-Серебряков.
20 августа 1918 года
ст. Солдатская.**

Самым оригинальным пунктом программы надо считать 12-й пункт, именно: одновременное создание политической партии и воинского отряда. В официальных бумагах Заур-бек именовался председателем партии и начальником отряда «Свободная Кабарда». Каждый, вступающий в партию, вступал и в отряд. И обратно: каждый воин, офицер или всадник являлся членом партии. Дальнейший ход событий сильно видоизменяет все движение. Политическая партия «Свободная Кабарда» перестала существовать. Осталась боевая единица - кабардинское войско, входящее на общих основаниях в состав Вооруженных Сил на Юге России (ВСЮР) (Кабардинская конная дивизия (ККД) сформирована в Добровольческой Армии 15 декабря 1918 г. как отдельная Кабардинская конная бригада в составе 1-го и 2-го Кабардинских конных полков. 9 сентября 1919 г. переформирована в дивизию и включала 1-й, 2-й, 3-й, 4-й Кабардинские конные полки. Дивизия

входила в состав войск Северного Кавказа. С 27 сентября 1919 г. в 4-й конный корпус. Начальник дивизии генерал, князь Т. Ж. Бекович-Черкасский (Правитель Кабарды в 1919-1920 гг.).

Острые программы, как видно из пунктов 5, 8, 11 и 12, направлено против красной армии, коммунистов и контрреволюционеров (п. 12). Но сила программы в тех утверждениях, в столь часто встречающихся «должно быть», которыми насыщена программа... П.п. 10 и 11-й предусматривают создание партии, берущей на себя заботы охранения свобод и интересов народа, главным образом темного народа. Эти пункты, как, впрочем, и многие другие (например, 2, 9) проникнуты духом Февральской революции... Кабардинская интеллигенция, соз давая Кабардинский конный полк, служа в нем, мечтала после победы России в мировой войне получить от царя некоторую долю самоуправления... Самоопределение Кабарды, выставленное в п. 1-ом, было общим лозунгом всех горских деятелей без различия направлений. Сепаратисты тем и отличаются от остальных, что прибавляют: «самоопределение до отделения». Пункты 3 и 4 предусматривают советскую систему (и, частью, п. 9). Окружной совет составляется из русских, кабардинцев, балкарцев и других наций и племен. Он входит в систему Общенационального, Краевого и Всероссийского съездов советов. Тогда как Национальный кабардинский Совет (п.4), работающий в контакте с другими (надо подразумевать) национальными советами, входит в параллельную систему: всероссийский съезд и совет национальностей. Оба эти пункта изложены кратко, ибо всем было ясно, в чем их суть: так Северный Кавказ уже жил.

Вскорости после опубликования программы Заур-бек получил длинное, полное негодования письмо от кабардинского князя NN. Тот упрекал Заур-бека в том, что его программа ставит Кабарду между двух огней: между коммунистами и добровольцами. Князь писал, что кроме жертв и анархии ровно ничего не выйдет из «затеи» Заур-бека. Что лучше подождать прихода Деникина... Дальше в письме заключались нападки личного характера. Они состояли в напоминании, что Заур-бек, подобно своему отцу, еще недавно служил у казаков; принял магометанство тоже недавно. Ему следовало бы скромнее себя держать в Кабарде; предпринимая что-либо, советоваться с теми, чей авторитет уже признан кабардинцами... В заключении князь восставал на п. 10, где говорится о князьях и дворянах.

Заур-бек не ответил на письмо, но передал князю на словах, что он лично готов в любую минуту защищать свои взгляды любым способом и что

будущее и даже ближайшее, покажет, на чьей стороне историческая и моральная правда...

Когда победоносный отряд Заур-бека располагался на ночевку в селении, где жил князь NN, князь просил Заур-бека в знак примирения и забвения прошлых недоразумений принять его гостеприимство. Они помирились.

При некоторых недостатках князь NN был все-таки достойным представителем славного и рыцарственного кабардинского народа.

Всадники, собиравшиеся в отряде Заур-бека, принадлежали к различным слоям кабардинского народа. Первыми стали прибывать старослужащие Кабардинского полка и кабардей-ворки (дворяне II класса). Религиозно и национально настроенные селяне посылали своих сыновей. Потом стали прибывать офицеры Кабардинского полка: русские и кабардинцы. Дальше - офицеры других частей, живших в Нальчике. Князя и балкарцы вступили в отряд позже...

Отряд занимался усиленной муштровкой. Создавалась строевая часть опытным начальником. Кабардинцы, как конники, чрезвычайно годный элемент. К концу августа молодой отряд принял первое боевое крещение.

XVIII. Первые бои: Баксан, Зольская

Первый свой удар Заур-бек направил на Баксан. Он решил наказать тамошних большевиков. Кроме того, разгромом Баксана расчищался путь на Нальчик. Были еще и иные соображения. Баксан - в центре Кабарды. Ликвидация этой группы стала бы известной всей Кабарде и создала бы славу победителям. Наконец, это была линия наименьшего сопротивления. Можно было рассчитывать на успех. А успех первого дела значит немало.

Перед походом Заур-бек попросил у полковника Агоева одно орудие с прислугой и нескольких казаков-пулеметчиков без пулеметов. Агоев «взаимообразно» уступил орудие, спросив, для чего нужны пулеметчики без пулеметов. Заур-бек объяснил, что пулеметы он возьмет у баксанцев, но некому будет с ними работать, т.к. кабардинцы к этому делу не приучены...

Выступило около 100 человек вечером. Ночью подошли к Баксану. Дали знать в соседнее селение Кучмазукино (*Бывшее с. Старая Крепость, ныне часть города Баксан, КБР.*), больше других страдавшее от Баксана.

Кучмазукинцы наскоро собрали несколько десятков человек. Они играли роль моральной поддержки.

Остаток ночи Заур-бек провел около орудия, как бы охраняя его. На рассвете кинул своих людей в лобовую атаку на окопы. В окопах сидело не более роты. Всего большевиков в селении Баксан было до 300. Окопы были быстро заняты. С выбежавшими из домов красноармейцами и вооруженными жителями начался уличный бой. Он быстро закончился в пользу кабардинцев. Противник понес большие потери: едва ли не половина сражавшихся баксанцев была уничтожена. Остальные разоружены и отпущены. В виде трофеев взяты были пулеметы, бомбометы, винтовки. Заур-бек часть своих людей вывел за селение, часть разбросал по нему: чтобы никто не мог сосчитать, сколько у него человек. Вызвали комиссара и приказали ему приготовить обед. Приказано было собрать не менее 600 ложек... После обеда отряд собрался за селением и вернулся в Солдатскую.

Весть об этом бое разнеслась быстро. В советских газетах не желали называть отряд так, как он назывался: «Свободная Кабарда», но называли «Банда серебряковцев». Интересно, что антибольшевистские газеты переняли это название во второй части: писали просто «серебряковцы».

Большевики делали «передержку» сознательно, желая унижить и обесмыслить все движение своих противников, лишить его идеологического значения, а Заур-бека свести на положение бандита. Белые газеты не придавали значения: не все ли равно, как называть? Дерутся с большевиками - и ладно... А название - есть словесный символ; оно в краткой форме передает суть дела...

В Нальчике встретили известие со страхом и злобой - большевики, с надеждой и облегчением - их противники. С этого момента обе стороны знали твердо: отряд существует и им командует Заур-бек. Советчики не могли себе простить: как это они выпустили «птицу»? - ведь ясно было, говорили они, куда он гнул и т.д. Объявили его врагом народа, предателем революции, наймитом буржуазии и пр...

А отряд этим временем увеличивался. В следующем бою под станицей Зольской сражались уже две сотни кабардинцев. Сильным фланговым движением кабардинцы поддержали казаков полк. Агоева и, как говорили сами казаки, решили исход боя. Фланговое движение, о котором сейчас говорится, было смелым и удачным в боевом и стратегическом отношениях. Но сверх того, этой стороной дела Заур-бек гордился больше нежели боевым успехом. Успех в значительной степени обязан удаче. А

конница, сохраняющая в бою полный порядок, есть настоящая надежная конница. С нею можно работать. И есть чем гордиться ее создателю и учителю.

После Зольского боя на фронте наступило относительное затишье. Отряд отошел для отдыха, обучения и пополнения сил в Прохладную. Там произошла встреча между Заур-беком и гв. ротмистром Ю. Н. Волошиновым. Волошинов, будучи старшим чином и, несмотря на взаимоотношения, бывшие между ним и Заур-беком, явился к нему и просил разрешения служить в его отряде. Они обнялись. Заур-бек предложил ему быть начальником штаба, что и было. О прошлом Волошинова говорили, что будто он, едва выйдя из Николаевского кв.у. в Гвардейский полк, за оскорбление зарубил человека. Что будто бы после этого он уехал из России и служил в мексиканской кавалерии, сражаясь из любви к искусству. Верно, что он участвовал в Японской войне, а во время Великой перевелся в Кабардинский конный полк. О дальнейшем изложено выше.

Волошинов завел среди английского командования в Баку и Энзели (*город в Иране*) связи. Он представил англичанам записку о положении дел на Северном Кавказе в связи с антибольшевистской борьбой. И был послан с деньгами и обещанием поддержки к терским повстанцам. Англичане купили в Баку большую «пачку» денег (тогда русские деньги на смешанных валютных рынках продавались чуть не мешками) за бесценок. Кажется, что около двух миллионов из этих денег поступили в распоряжение Заур-бека. Начали выдавать чинам отряда жалованье; бесплатные реквизиции карались, как воровство...

Из Нальчика прибывали добровольцы: офицеры и молодые люди. Не всех принимали в отряд: была строгая нравственная оценка. В общем, для взятия Нальчика офицеров не хватало. При отряде имелся околосок, им заведовала сестра Нюся С. Старый казак-трубач по горячему своему желанию был принят в отряд.

Во время стоянки в с. Прохладной произошли еще два «события». Одно из них - приезд шт.-ротмистра Хабижа Абдурахманова (того самого, к которому Заур-бек будто бы ехал в гости); другое - появление знамени отряда (по-кабардински: бэракъ).

Хабиж - из старого дворянского рода, (когда-то Абдурахмановы были татарами, потом окабардинились), крупный землевладелец, один из лучших коневодов. Его знает вся Кабарда и называет ласкательно: Хабижей-цукъ (по-русски - Хабижчик, маленький Хабиж). Это потому,

что, пожалуй, он самый огромный и толстый из кабардинцев. Вес его более 8 пудов. Что, однако, не помешало ему взять на дивизионном состязании Дикой дивизии первый приз по рубке. Лошади, на которых он ездил, очень скоро выматывались до смерти. Приехал он на великолепном гунтере «Ураган». Ураган и заурбековская Дина были лучшими из лошадей отряда: кабардинского (!) отряда... Вид Хабижа страшный. Он похож на Тамерлана и Редедю (кстати, у кабардинцев Редедя называется Реведэ - это женское имя; считается, что она - девушка-панцырница (панцырник - рыцарь), как их изображают русские художники. Но он добродушен и миролюбив; пока не вспылит. Но - таковы люди на Кавказе.

Барак был зеленый: «Зеленое знамя с луной». Сшила его Вера Николаевна, подруга жизни Волошинова. На это дело пожертвовала свое зеленое шелковое платье, купленное недавно в Персии.

XIX. Бой: Куба-Тапинский и на р. Этоке

Общая стратегическая обстановка потребовала перехода отряда в ст. Марьинскую. Слагаемыми силами, создающими такую обстановку, были две: накопление красных кабардинских сил в районе селения Ашабовского, что составляло угрозу левому флангу нашего фронта, и заметное оживление перед фронтом, у пятигорских большевиков. Следствием обстановки явились два боя: Куба-Тапинский, происшедший 17 сентября, в котором на обеих сторонах дрались только кабардинцы; и Этокский, бывший позже, в двадцатых числах сентября (21 или 22-го); в нем против большевиков казаки и кабардинцы шли вместе.

Когда отряд «Свободная Кабарда» прибыл в ст. Марьинскую и разместился в ней, в нем было уже три полных сотни. Как оказалось впоследствии, лучшей из них была третья сотня, ею командовал поручик Павел Захаров. Заур-бек «сбивал» ядро отряда. Из отборных всадников он скомплектовал третью сотню и на нее опирался (в боевом и политическом отношениях) в критические минуты. Выбор его пал именно на третью сотню, должно быть, в память командования им 3-й сотней Кабардинского полка. У Захарова вождем был Измаил Тамбиев - человек высших боевых, командных и товарищеских качеств. Эта двоица поддерживала славу сотни почти до конца гражданской войны: в конце 1919 года Измаил умер от тифа, а под Захаровым в бою у ст. Качалинской, близ Царицына была убита лошадь при отступлении. Отступали под натиском буденовцев; некоторые видели, как упал Павлик Захаров и как

его рубили шашками. Но потом носились слухи (в Крыму и эмиграции), что Павлик жив: дай бог...

В ст. Марьинской, перед настоящим боем, когда льется кровь, произошел политический бой, когда льется слюна. К сожалению, одно вытекает из другого, как и обратно.

На этот раз произошло так. Кабардинский национальный совет, образовавшийся еще до большевиков и с некоторыми изменениями существовавший при большевиках, прислал своих представителей к Заур-беку: уговаривать его и всадников отказаться от ведения братоубийственной войны. Центр тяжести убеждения состоял в слове «братоубийственная». Прибывшие из Нальчика делегаты (из них вспоминается Тамбиев, Магомет Абуков) (*Помимо Тамбиева и Абукова в состав делегации вошли Б. Мамышев, Т. Мазанов, Д. Шакманов.*) уверяли Заур-бека, что его движение не пользуется в Кабарде никакой популярностью, что он, действуя заодно с казаками, сам нарушает или нарушит тот пункт программы, где говорится о разоружении на кабардинской земле всех, кроме кабардинцев, и т.д. (По этому поводу надо сейчас же сказать: Заур-бек, пока это было в его власти, строго придерживался программы. В силу требований программы он не принял помощь казаков в Куба-Тапинском сражении; а если, идя на Нальчик, имел дивизион казаков, то лишь потому, что со стороны большевиков был выставлен батальон русских красноармейцев. Казачий дивизион почти и не дрался...). Делегаты грозили народным и религиозным проклятием. Заур-бек указал им, что, действуя против него, Национальный совет - волею или неволею - действует заодно с большевиками. И что, кто лучше или хуже — казаки или большевики - ни для кого вопроса не составляет. Затем он согласился, что резня братом брата - вещь ужасная, но что все-таки о ведущейся войне правильнее говорить как о войне гражданской, а не братоубийственной. Спор долго не продолжался. Заур-бек предложил делегатам переговорить с всадниками и офицерами отряда и познакомиться с их настроениями. Что и было. Ложность положения прибывших - не бойщиков, но отговаривающих бороться с большевиками - обнаружилась в полной мере.

Был своего рода митинг, хотя и в помещении. Заур-бек не присутствовал. Всадники взяли делегатов в серьезный «оборот». Издалека доносились орудийные выстрелы. Это их воодушевляло. Но окончательно доконал приезжих командир 2-й сотни поручик Али Инароков (*Инароков Али Жанхотович - участвовал в Первой мировой войне в составе Кабардинского конного полка (Дикой дивизии). В 1918 г. одним из первых*

примкнул к отряду 3. Даутокова-Серебрякова. Погиб в 1919 г.). Этот Али считался одним из лучших, если не лучшим, оратором в Кабарде. А кабардинцы весьма и весьма чутки к слову; у них есть в языке образы и изящества трудно подозреваемые, когда слышишь их шипящую бурливо гортанную речь. Али (как и его брат Султан, о котором ниже) - человек, далекий от идеала. Ни как офицер, ни как гражданин, ни как товарищ он не отличался. И тем не менее Заур-бек его принял в отряд и дал ему сотню: одну из трех сотней! Али был необходим как оратор. Словами горячими, огнедышащими, темпераментом богатый и легко возбудимый - он зажигал и убеждал; он забивал и уничтожал. Конечно, все это искусство немногого стоило бы, не будь «кулака» во всех отрядах. Но и отряду необходим был «агитпросвет», афиша, труба. А это была труба с маркой «Иерихон»...

Словом, делегаты были посрамлены. Надо удивляться: как они решились на подобную миссию? К чести их, надо отнести, что, конечно, они не были подсланы большевиками. И что они доказали свою храбрость, пробравшись маленькой группой мимо враждующих отрядов... (Они еще говорили, что их люди отговаривают сельчан-кабардинцев идти в ряды красных. Т.о. члены Национального комитета играли роль миротворцев; роль эта не удалась...).

Еще числа 15-го сентября стало известно через прибывающих в отряд всадников и через местных жителей (главным образом селения Атажукино III (*Ныне с. Куба, КБР*), по-кабардински Хассанаби-куаже), о сосредоточении большевицких кабардинских сил в районе с. Ашабово (*Ныне с. Малка, КБР*). Шла усиленная агитация: собраты и идти разбивать ст. Марьинскую, т.е. «серебряковцев» и казаков. Большевицкая агитация выражалась не только словами, но и деньгами и алкоголем. В Ашабово дня два «готовились» к бою с помощью араки и бузы.

Основательная выпивка происходила и в Атажукинском, но это селение находится под пулеметным (не говоря об орудийном) огнем ст. Марьинской. Поэтому большевики-атажукинцы лишь обещали помочь в случае удачи. Своим сторонникам в Атажукино Заур-бек предложил воздержаться от выступлений.

Ранним утром 17-го сентября Заур-бек приказал сотням строиться. Намеренно не играли сбор, дабы не привлечь внимание, чтобы заранее не сообщили красным. О дне и часе выступления никто, конечно, не знал.

Предполагалось пройти Атажукино III, ударить по Ашабово, а дальше действовать в зависимости от обстановки. Вышло иначе...

В ожидании доклада, что отряд выстроен Заур-бек сидел у себя (он занимал подвальное помещение в доме доктора Р.) и ставил на граммофон одну и ту же пластинку: «Марш Фенебр». Он был молчалив и печален: предстояла братоубийственная в последнем смысле слова война.

Доложили, что отряд готов. После приветствия двинулись. Спустились от Марьинской к реке. Малка - горная река, ее берега обрывисты. Между Марьинской и Ашабово только один брод. Впереди колонны двигались первая и вторая сотни. За каждой из них на тачанке шел пулемет. Затем шла батарея из двух орудий. Закрывала колонну III сотня. Заур-бек с начальником штаба, адъютантом и командой ординарцев ехал на высоте батареи, слева от колонны. Прошли Атажукино, минуя крайние кварталы.

Около переправы никого не оставили: нельзя было разбрасывать ни одного всадника. Верстах в двух-трех от Атажукино, на ашабовской дороге, остановились, чтобы выслать разьезды: один прямо, к Ашабово; другой - влево, вверх обследовать хребет Куба-тапа. Пока отдавали распоряжения и назначали людей, ротмистр Волошинов взобрался на хребет. И моментально - «ласточкой» - оттуда прискакал вниз. «Мы уже окружены, - сказал он, совершенно, впрочем, спокойно: большевики заняли весь противоположный склон и сейчас появятся на гребне». Сейчас же остановили левый разъезд и выдвинули к хребту первую сотню. Ашабовскому разъезду было приказано как можно скорее выяснить и донести: что делается в долине реки Малки. Батарея заняла позицию вполне открытую. На холме впереди и сбоку от орудий поставили пулеметы. Первая сотня лавой двигалась к хребту. А на вершине его - чуть не во всю длину - появились всадники. Сверху стали долетать пули. Третью сотню поставили в резерв и на прикрытие батареи. Вторая ожидала приказаний.

Заур-бек обратился к этим двум сотням с коротким словом. Он сказал, что по воле Аллаха вышло так, что не мы первые нападаем, а на нас нападают.

Одобрил всадников и в заключение сказал, что уверен в победе, а поражение не перенесет и умрет около барака и орудий.

В этот момент от Ашабовского разъезда пришло донесение: поперек долины, почти от хребта до реки, двигаются густые цепи пехоты. Положение становилось опасным. На встречу пехоте была выслана лава из второй сотни. Орудия открыли редкий (было мало снарядов) огонь по наступающей с хребта кавалерии. Под ее напором первая сотня дрогнула

и повернула назад. Торжествующие большевики, потеряв и без того скверный порядок, гнали коней к орудиям Ш-й сотни - словом, к сердцу отряда... Полковник Агоев, наблюдавший ход боя с колокольни станицы Марьинской, в этот момент махнул рукой, сказал: «Все погибло». Но еще ничего не погибло: отрядом командовал Заур-бек. Он приказал орудия зарядить картечью. Отступающей первой сотне приказал сомкнуться к флангам. Очистилось место для пулеметов. Одобренным его веселым окриком пулеметчикам приказал открыть жесточайший огонь. Первые ряды большевиков попадали: дистанция была близкая. Остальные дрогнули. Но это был пока что успех скорее моральный. Заур-бек вывел третью сотню, поставил ее развернутым фронтом к противнику, выхватил из рук знаменосца барак и с пением «Ля-иля-ха иль-Аллах» и с ура - бросился в атаку.

Во всех атаках «штаб» (штаба не было) и ординарцы, имея во главе Заурбека, бывал впереди... Большевики повернули спины. Но утомленные их кони шли плохо. На склонах Куба-тапа лежали трупы... Теперь надо было покончить с пехотой. Она видела поражение конницы и уже теряла сердце. Артиллерийский огонь обратил ее в бегство. Заур-бек остановил преследование: жестокое и бессмысленное...

Медленно собирался отряд к дороге на Ашабово. Были раненые. 2-3-4 убитых тотчас повезли в Атажукино. Потом двинулись в боевом порядке к Ашабову. Заняли позицию над селением. Значок отряда укрепили на холме. Там остановился Заур-бек. Из Ашабово двигалась группа всадников, передний вез белый флаг: парламентары.

Ашабовская мирная делегация состояла главным образом из почетных стариков и духовенства. Они, полные достоинства, печальной важности и почтительности в пышных и красивых выражениях заявили, что их селение было введено в заблуждение приезжими агитаторами (слова: агитатор, провокатор, революционный, контрреволюционный и т.д. очень быстро вошли в обиход горских языков, как и царь, генерал, корнет, начальник...); что более всего виноваты соседи, а они, ашабовцы, только и ждали случая встретиться с Заур-беком и его отрядом, приветствовать и благодарить за избавление Кабарды от большевиков... Надо сказать, что всадники отряда, посланные в селение на разведку и за продовольствием, нашли там избитого до полусмерти кабардинца С-ва, захваченного ашабовцами накануне, как серебряковца. Но ведь для того и существуют мирные делегации, чтобы, мягко говоря, вести дипломатию. И не даром же пользуется известностью выражение: «адыгэ-псытля» (кабардинские разговоры)...

По всей Кабарде всякого рода «хабары» (новости) разносятся с быстротой хода кабардинского коня. Этот ход увеличивался под влиянием пуль, которые неслись вслед спасающимся с места поражения. Каждая группа, принимавшая участие в бою, неслась в свое селение. Каждое селение, услышав о результатах боя и вообразив, что Заур-бек немедленно придет громить именно их, немедленно снаряжало свою мирную депутацию. Все или почти все выехали с белыми флагами. Везде высылались старики и муллы.

К «холму приема депутаций» съехались представители от одиннадцати селений! В их число входили и атажукинцы; эти приехали, скорее всего, для новостей... Все делегации говорили в общем одно и то же. Однако не в этом смысле, что одно селение обвиняло другое, нет! Это было бы не деликатно; но все обвиняли соседей, отвлеченных соседей, «соседей вообще»...

Быть может, некоторые из прибывших участвовали в бою и вернулись уже делегатами, едва успев пересесть на свежего коня? - сейчас они (депутации) привезли «шуугх-паста» (хлеб-соль) и настаивали, чтобы Заур-бек и его люди благосклонно откушали. Но Заур-бек отклонил это предложение. Он усадил депутатов в круг, стал посередине. В этот день Заур-бек был одет не по-горски: френч и голубая фуражка с тремя белыми кантами. (В Дикой дивизии две формы: у офицеров - горская и общекавалерийская, цвет фуражки разный в разных полках... Заур-бек одел русскую форму, считая, что эта форма - символ власти, начальствования и что для психологии кабардинцев это немаловажно).

В своей речи он излагал задачи движения, объяснял политическое содержание момента, указывал правильный путь Кабарды, просил вдуматься в его слова и передать его слова всем, кто называет себя «адыге»... «Чтобы не проливать кровь, нам нужно понять друг друга», - закончил он.

Начались переговоры. На сцене появился Али Инароков. Старики опять приступили к Заур-беку, прося отведать «хлеб-соль». Было уже часа четыре или пять вечера... Согласно «адыгэ-хабзэ» (обычай) не принятие угощения - обида наихудшая. Голод и обычай свели депутатов и офицеров и всадников отряда к одному столу: скатерть на земле. Пошел в круговую стаканчик. Быть может, руки, переплетавшиеся во время передачи стаканчика, несколько часов тому назад посылали пули: сосед в соседа... Здесь же оживленно спорили, сколько человек было у большевиков. В среднем надо считать до двух тысяч человек. Но у них не было ни опыта,

ни руководителей, ни организации. Не было и орудий. Пулеметы были, но пулеметчик оказался хвастуном: на первой ленте испортил пулемет...

С места боя в полевой штаб армии (в Прохладную) к командующему полковнику Федюшкину был послан Хабиж Абдурахманов с докладом. К ночи отряд с трофеями вернулся в ст. Марьинскую. Трофеями были взятые на поле битвы кони, винтовки, холодное оружие... Куба-тапинский бой имел огромное политическое и психологическое значение в Кабарде.

Победа Заур-бека показала воочию его силу и лишила доверия большевиков. Но стратегическое значение боя невелико: новые операционные линии заняты не были. Но лишь потому, что предстояла операция против Пятигорска и кабардинцы должны были в ней участвовать. Конечно, если бы операция удалась, Пятигорск мог бы быть взят; во всяком случае положение его было бы отчаянным. Говорили, что даже несмотря на то, что поход белых не удался, пятигорские большевики настолько перепугались, что начали эвакуацию города. Этокская операция, которой так мало придавали значения впоследствии, в случае успешного завершения, могла бы в корне изменить стратегическую и политическую обстановку не только терских повстанцев! - нет, тут дело идет о более существенном: антибольшевистские силы, действовавшие с одной стороны на Кубани и Дону, а с другой - на Тереке (Владикавказ - Военно-Грузинская дорога! Грозный - нефть!), в Дагестане и Баку (Лазарь Бичерохов - англичане!) - были разобщены как раз группой Минеральных вод. А центром группы и является Пятигорск. При взятии Пятигорска белыми в сентябре 1918 года, а не в январе 1919 года, был бы очищен Северный Кавказ. Создался бы плацдарм - единый! - от Дона до Кавказского хребта... Но: Пятигорск взят не был.

План наступления был таков: на главном участке фронта - близ ст. Аполлоновская предполагалась демонстрация. Основной удар направить на второстепенные красные позиции у кургана «Три брата». Наша конница в составе казаков и кабардинцев частью должна была «висеть» на фланге, а частью сделать глубокий обход их правого фланга и в свое время ударить по тылам, путям сообщения с базой, т.е. Пятигорском. Разумеется, при успехе - занять город или хотя бы укрепиться над ним.

План весь построен на маневре. 9/10 успеха или неуспеха зависело от точности и своевременности движения. Все дело должно было начаться демонстрацией со стороны Аполлонской. Несколько позже казачья пехота должна была бить в лоб на позиции «Трех братьев», конница на фланге -

бить во фланг, а та, что послана в тыл - действовать в зависимости от обстановки, которая должна была бы сложиться благоприятно.

Демонстрация началась своевременно еще ночью. Но наступление на «Трех братьев» не состоялось. Не состоялось, потому что в ночь перед наступлением пришла пресловутая «смена». Казалось бы, что эту смену следовало бы влить в наступающие ряды. Или оставить в резерве. Но произошло нечто вроде торга: кому идти, мы днем не видели место, а мы устали и пр. Не стали даже делать артиллерийскую подготовку: не стоило, а потом было уже поздно. Конница, стоявшая на фланге, сначала бездействовала. А затем отошла под давлением отряда красной конницы. Последней было мало. Она не решилась занять Зольскую, хотя была около нее. Только поэтому наша конница, ушедшая в тыл, не была отрезана.

За р. Этоку были посланы две сотни казаков и две кабардинцев. Этока - река узкая, глубокая, с обрывистыми берегами. Чтобы ее перейти, настлали мост из хвороста и соломы. Эти четыре сотни вовремя пришли на место. Долго ждали артиллерийскую подготовку, которая дала бы знать о начале наступления. И не дождались.

Между тем светало. Казаки напоролись на сторожевое охранение красных, сидевшее, лежавшее, т.к. все спали, в окопах. О существовании этих окопов никто и не подозревал. Большевики проснулись и открыли огонь. Сначала беспорядочно панический, потом основательный. Заговорили пулеметы. К сторожевому охранению подтянулись резервы красных. Наша конница рассыпалась широкой лавой, начала отступать.

Казаки на рысях пошли занимать переправу. Кабардинцы медленно отходили к той же переправе. От огня потерь не несли. Заур-бек требовал строгого порядка. Никто не смел перевести коня в рысь. Красные преследовали вяло. Очевидно, они не понимали, в чем дело: почему противник уходит? А уходили потому, что дело в целом было, очевидно, проиграно; а исполнение в части не имело шансов на успех да и смысл.

После переправы поднялись на высоту, с которой видна долина р. Этоки, а в дымчатой дали угадывались очертания Пятигорска. Остановились.

Можно было ожидать, что сами большевики перейдут в наступление. Большую часть людей и всех коней отвели за перевал. На гребне залегла цепочка - взвод не более. На правом фланге - пулемет. Ясное солнце освещало землю. От земли поднимался пар и трепетал в воздухе: мерещило. Это мешало определить прицел. А определить надо было, т.к. в долине показался разъезд в 4 или 5 коней. Наша цепочка лежала. Только

Заур-бек стоял, облокотившись на знамя, водруженное на высшей точке гребня.

Красный разъезд остановился. Кто-то из них спешил открыть огонь. Это был опытный стрелок: пули свистели близко над головами. Наш пулемет заработал. Но неудачно. Вдруг пулемет перестал действовать, пулеметчик был убит наповал. Это был славный казак. Его смерть, в такой сравнительно сурочной обстановке да еще от одного или двух стрелков поразила сильно. Красные увидели попадание, вытащили шашки и стали их подбрасывать и ловить. Шашки красиво сверкали. Они будто вызывали на единоборство; вызывали так, как это делали богатыри в сказках. Заур-бек спросил: «Есть охотники наказать этих дерзких?». Встали несколько человек. Вперед выступил князь Ванико Церетели. Он был совсем маленький и ему еще не исполнилось 19-ти лет... Наши конники, принявшие вызов, спустились в долину. А красные - погарцевав на конях - умчались. И эти - красные - без сомнения, лихие джигиты - и они были кабардинцами...

XX. Поход на сл. Нальчик

В сентябре месяце, в период Куба-тапинского и Этокского боев, от кабардинского отряда, находившегося в станице Марьинской, был послан на Кубань, для связи с отрядами ген. Шкуро, пор. Ильяс Борукаев с взводом кабардинцев. Было наверное известно, что отряд Шкуро находится в районе Бургустанской. Но точное местопребывание шукуринцев предстояло выяснить на месте. Пор. Борукаеву была дана задача через Шкуро связаться с отрядами ген. Покровского; и далее, с Добровольческой Армией. Кажется, командировкой Борукаева делалась первая попытка установления связи между антибольшевиками, действовавшими на Тереке и Кубани.

Борукаев сам должен был найти путь к исполнению своего задания. В переметных сумах отряд вез большое количество патронов, недостаток которых сильно стеснял действия ген.Шкуро. Пор. Борукаев выполнил возложенное на него поручение и вернулся в станицу Марьинскую незадолго до похода на Нальчик (Пор. Борукаев, осетин по происхождению, до февральской революции, в числе многих других офицеров-осетин, служил в Кабардинском полку. После революции, в силу национальных недоразумений, все осетины вышли из полка. В гражданскую войну офицеры-осетины в кабардинских частях почти не

служили. Пор. Борукаев впоследствии служил у Шкуро. Он был убит в атаке в 1919 году).

Вернувшийся взвод заимствовал от черкесов добровольческих отрядов некоторое отличие. Оно состояло в белой ленте, пересекавшей папаху, на которой были изображены полумесяц и звезда. Это отличие тотчас привилось почти во всех отрядах конницы, воевавших на Тереке против большевиков. Казаки носили ленту без полумесяца и звезды. Отличие это на Тереке было особенно необходимо, так как обе сражающиеся стороны носили одинаковые костюмы; и на этой почве происходили частые и, порою, кровавые недоразумения. Позже и большевицкие отряды стали носить такую же ленту, но красного цвета. Отряд Заур-бека одел на папаху зеленые ленты; на них кабардинские женщины вышили золотом полумесяц и звезду (повстанцы на Тереке в то время погон не носили)...

Отряд, выступивший на Нальчик состоял из: трех сотен кабардинцев (четвертая сотня находилась в периоде формирования); дивизиона пластунов (станций Новопавловской и Старопавловской); одной батареи из двух орудий и пулеметной команды. Начальником пулеметной команды был есаул Александр Колесников, искусство и храбрость которого становились известными в Кабарде и на Тереке.

Вечером 23-го сентября отряд подходил к селению Наурузовскому (*Ныне с. Исламей, КБР*).

Какой-то единомышленник выехал навстречу авангарду с целью предупредить о засаде. Авангард выслал разъезд, под командой князя Вано Церетели с приказанием выяснить обстановку. Оказалось, что несколько отчаянных засели в сакле готовясь неизвестно к чему. Нападать с их силами невозможно. Церетели уже ночью прибыл с докладом, что часть засевших успела скрыться, другая часть была перебита...

В Нальчике в населении ходили весьма неопределенные слухи о положении воюющих сторон. Большевицкие верхи, конечно, были прекрасно осведомлены, но молчали. Их пресса печатала сообщения очевидно вздорного и противоречивого характера. Прессе никто не доверял. Тревожное положение, однако, не мешало нальчанам веселиться на танцевальных вечерах. Большевики всячески поощряли это веселье.

В день, когда в Нальчике определенно узнали о наступлении Заур-бека, это было 24-го сентября, состоялся митинг на площади и концерт-бал в Реальном училище. Такое сочетание весьма характерно для настроений гражданской войны. На митинге клялись задушить «гидру кабардинской

контрреволюции», очистить Кабарду от «банд» Серебрякова. Коммунист Видяйкин громогласно утверждал, что взятие Заур-беком Нальчика есть «сон серой кобылы». Тем не менее, большевики лихорадочно готовились к обороне. Они решили сделать контр-удар; и, не ожидая приближения Заур-бека к стенам Нальчика, сами выступили навстречу. Большевики располагали батальоном пехоты (400- 450) состоявшим из русских и евреев. Потом многих удивляло, что горские евреи в довольно большом количестве пошли в бой и в бою участвовали. Кроме батальона пехоты у большевиков была конница, численность которой определить невозможно. Сами большевики до боя хвастались, что они выставят в поле около тысячи шашек. Но когда сотни отряда Заур-бека, разбив пехоту, атаковали большевицкую конницу, то этой конницы не было и 300 человек. Нальчикская милиция, о которой упоминалось выше, в последний момент заявила большевистскому командованию о своем настойчивом желании охранять слободу. В поле они не вышли. При взятии Нальчика они сопротивления не оказали. У большевиков были пулеметы и бомбометы, но пушек не было...

В занятый Нальчик Заур-бек въехал на белом коне. Скажу заранее почему так случилось. Это отнюдь не было подражанием «генералу на белом коне». Причина же заключалась в Дине. Она неожиданно, под влиянием предыдущих походов, скинула в Наурузовском мертвого жеребенка. Взамен Дины Заур-беку привели белого коня и на нем он въехал в Нальчик.

Утром 25-го сентября разъезды, высланные к Куденетову, находящемуся на Нальчикской дороге, донесли о продвижении большевиков. Отряд тотчас выступил навстречу. Дивизион пластунов был рассыпан по линии речки Баксан. Первая и вторая сотни вышли в поле, имея позади: первая сотня - хутор Джамбиковский (вправо от Нальчикской дороги); вторая сотня - селение Тамбиево I (*Ранее с. Дугулубгей, ныне часть г. Баксана, КБР*) (влево от Нальчикской дороги). Третья сотня находилась в роще около Джамбиковского хутора, ожидая распоряжения. Орудия выехали на позицию, которая находилась на дороге, между с. Баксан и с. Кучмазукино, позади пластунов. Десятка два три человек, составлявших ядро будущей четвертой сотни, находились в прикрытии батареи. Большевицкие пули долетали до орудий и падали на болоте. Наши пулеметы были приданы сотням и пластунам.

Наступление большевиков было встречено ружейным и пулеметным огнем. Когда выяснилась обстановка и главное, боевое построение большевиков, Заур-бек предпринял следующее. Он приказал третьей

сотне двигаться как можно скорее, прикрываясь неровностями почвы в обход левого фланга большевиков, первой и второй сотням было приказано стоять в главе не теряя соприкосновения с противником, ожидая сигнала перебежками продвигаться вперед. Совершенно необъяснимо почему большевики замедлили и почти приостановили свое наступление и тем дали возможность Заур-беку сделать необходимые перестроения и тем самым вырвать инициативу из их рук. Наши орудия продвинулись вперед и заняли новую позицию недалеко от Нальчикской дороги.

На холме около орудий стоял Заур-бек и в бинокль изучал обстановку. Он выбирал место для нанесения удара артиллерией. В тот момент позади раздался топот, который поистине потрясал землю. Это на своем знаменитом гунторе Ураган мчался, догоняя отряд Хабиж Абдурахманов. Он только что вернулся из Прохладной от полк. Федюшкина. Хабиж полным карьером взлетел на холм и остановил Урагана, посадив его на задние ноги, в двух шагах от Заур-бека. «Го, Заурбек! - сказал он,- я вижу, что Хабиж прибыл во-время, Аллахими-хатырка! (ради Бога) прикажи мне идти в атаку и я разгромлю всех большевиков...».

Было очевидно, что Хабиж-цук по дороге заезжал в гости. Не получая приказания идти в атаку, он начал убеждать Заур-бека, что сейчас самое подходящее время для завтрака; и в доказательство похлопал рукой по сумке, откуда аппетитно выглядывали куриная ножка и бутылка араки. Только угрозой посадить под арест Заур-бек удалил с холма храброго и хлебосольного Хабижа.

Между тем на горизонте показалась конница красных. В бинокль были видны многочисленные красные знамена. Заур-бек приказал бить по коннице попеременно: то гранатой, то гранатометом. Сильное смятение показало, что попадания очень удачны. Трубачу приказано было играть марш-марш и сотни (I и II) бросились в атаку.

Этот бой с начала и до конца велся довольно беспорядочно. Начать с того, что боевое построение отряд производил под огнем. Артиллерия находилась почти что на одних позициях с пластунами, а потом и впереди пластунов. Настоящей связи между частями отряда не было. По условиям обстановки третьей сотне никаких определенных заданий указать было невозможно. Но все эти тактические недочеты искупались некоторыми техническими элементами боя: дрались за обладание Нальчиком! Между сотнями тотчас установилось соревнование: кто первый войдет в столицу Кабарды!... Но если в отряде Заур-бека происходил описываемый

относительно беспорядок, то что и как сказать о «порядке» большевиков?

Уже говорилось, как в самый для них благоприятный момент они замялись. В дальнейшем под огнем артиллерии и атакой первой и второй сотней, их ряды расстроились, конные перемешались с пешими; кто дрался, кто драпал в Нальчик, а кто домой, в свое селение. Периодические стычки разыгрывались главным образом между Куденетово I (*Ныне г. Чегем, КБР*) и Нальчиком; т.е. уже после того, как стало ясно на чьей стороне победа. Кабардинцы дрались ожесточенно...

Расстояние между р. Баксаном, около которой началось сражение, и Нальчиком, в нескольких верстах от которого закончилось преследование, исчисляется в 25-26 верст. Первые выстрелы раздались часов в 8-9 утра; а часов в 9-10 вечера сотня пор. Захарова вонзилась в Нальчик. Первым делом кинулись к тюрьме, где сидели «политические преступники». Досада на эту тюрьму у офицеров и всадников III сотни была большая - некоторым из них пришлось в свое время узнать чем пахнут ее стены и нары. Поэтому неудивительно, что по тюрьме ударили бомбометом, только что взятым у большевиков. С третьей сотней, на пулеметной тачанке, прибыл из первых в Нальчик есаул Колесников. Захаров и Колесников были героями дня. Впрочем, не дня, а ночи...

Когда стали выясняться результаты боя, Заур-бек стянул к Пятигорской дороге пластунов и батарею, приказав им медленно двигаться в Куденетово, и там ожидать приказаний. И сам, с ординарцами, всадниками 4-ой сотни (ею временно командовал есаул Борис Дмитриевич Томашевский, терец, ст. Троицкой) и пр. «остатками» двинулся, впереди пластунов, туда же. Шли широко раскинувшейся лавой. Палило сильное солнце. Навстречу попадались раненые, лежавшие в околке. Там и сям лежали убитые. Большинство убитых тел от шашечных ударов. Вышло много крови. Солнце гнало дух крови и земли к небу. Воздух стоял над степью густой, пропитанный кровью, солнцем и пахучими травами... Впереди показалась группа с развевающимися красными знаменами. Скакали быстро. Всадники нашей сотни приготовили винтовки (во время гражданской войны и белые, и красные, и казаки, и кавалериты и горцы - все переняли чисто абреческую манеру стрелять из винтовок с коня). Тревога оказалась напрасной: это ехали наши всадники и везли отбитые знамена. Знамена не могли не производить странного и заставляющего глубоко задуматься впечатления. Часть их была красная, часть красно-зеленая. На некоторых были обычные надписи: «Смерть буржуям», «смерть дворянам и князьям - угнетателям кабардинского народа», «умрем за мировую революцию» (Кабарда и мировая революция!), «да здравствует диктатура

пролетариата» и т.д. Но наряду с ними попадались знамена с такими лозунгами: «Да здравствует первая советско-шариатская ударная колонна!» и с изречениями из Корана. Смотреть было дико. Голова отказывалась понимать такое, казалось, противоестественным сочетание: советы и шариат; Маркс и Коран. И в то же время ум не доверял глазам когда глаза видели трупы русских и евреев - красноармейцев рядом с трупами Хаджи; Хаджи - это люди, побывавшие в Мекке у гроба пророка... И все-таки факты были на лицо: большевики сумели вести за собой кабардинское духовенство, а за большинством шел народ. Не верилось, что бы это была правда. Но это была правда. В одной из последующих глав попытаюсь систематизировать имеющиеся по этому поводу сведения...

От третьей сотни донесений не поступало. Но за эту сотню нечего было волноваться: они не отступали; следовательно, они шли вперед, к победе.

К вечеру Заур-бек приказал I и II сотням прекратить преследование; вернул их обратно к Куденетову I. В этом селении собрался весь отряд и расположился на ночевку. Из Нальчика прискакали два лихих человека с известием о занятии слободы Захаровым. Захарову было приказано остановиться до утра в Нальчике, а утром встретить отряд и влиться в него при торжественном въезде в завоеванную столицу...

После почти 12-ти часового боевого напряжения люди не чувствовали усталости. Спали, кажется, одни казаки. Чистили лошадей, оружие, мечтали о блестящем будущем. Были все предлоги к тому, чтобы выпить. Но пьянство, не говоря о других отклонениях от воинской дисциплины, в отряде строго каралось. Хабиж - не пример. Хабиж есть Хабиж. Да и стоит знать меру... Ночью поймали красноармейцев. В то время ни мы их, ни они нас в плен не брали. В эту ночь дежурным по команде ординарцев был Темиркан Ш (Возможно, имеется в виду Темиркан Шипшев, оставшийся после отступления частей Добровольческой Армии в Кабарде и боровшийся со своим отрядом с Советской властью. Он был захвачен 27 марта 1928 г. в с. Алтуд в результате боевой операции, проводимой 26-м Кабардино-Балкарским дивизионом войск ОГПУ и 1-м Кабардино-Балкарским Нац. Кав. взводом.). Всех взятых на поле битвы отправляли к Темиркану. А от него они шли дальше как шутливо в ту ночь говорили, «по темиркановской дорожке...».

Со стороны большевиков защищать Нальчик с силами не превосходящими в 2-3 раза силы наступающих, было безумием; и даже предательством со стороны вождей, пославших «красных бойцов»

умирать; они же сами благополучно бежали в горную Осетию, к
корменистам...

Утром 26 сентября состоялся торжественный въезд победоносного Заур-бека и его войск в столицу Кабарды, На поляне, перед въездом в слободу, одна за другой, стояли депутации. Они стояли справа от дороги. Слева от дороги выстроились бесконечные шеренги кабардинцев и балкарцев. На правом фланге стоял полковник Баразби Мамышев, во главе своего, столь постоянного в непостоянстве, «отряда». Без всякого сомнения, значительная часть всадников, встречавших отряд Заур-бека, вчера выступала или обещала выступить против нас. Быть может об этой-то «тысяче шашек» и говорили коммунисты...

Первыми встретили Заур-бека члены Национального комитета. Некоторые из них приезжали в ст. Марьинскую отговаривать Заур-бека от той идеи, в которую он вложил свою жизнь. Затем шли представители старшин, духовенства, слободского управления, от разных групп населения и т.д. «включительно до евреев и немцев. После приветствий и кратких речей, - очень, очень кратких! - голова колонны вышла на главную улицу. Здесь встречало население. Кажется все нальчане сгрудились в это утро на своей главной улице. Из окон свешивались ковры, цветные платки; сыпался дождь цветов. Радостные крики не умолкали. Откуда то появился оркестр.

Колонна медленным шагом двигалась к тому концу слободы, где начинается Атажукинский сад. Этот конец в общезнании именуется «верхним». Он и в самом деле стоит выше, чем дальние кварталы.

Большевики прозвали его «буржуазным». Там церковь, Реальное училище, управление округа, магазины, гостиницы, словом «центр».

Конечно, большевики жили именно в «верхнем» конце... Здесь стояли учащиеся, дети, приезжие «бомонд» (беженцы из России). Ярким платьям женщин удивлялся взор, привыкший к черкескам, лошадям и защитным цветам красноармейцев. В колокола не звонили, но ярче их, громче их, слаще их звенели голоса, называвшие чье-либо имя. Женский голос и мужское имя. Это не забывается. Налчане многих считали убитыми. И, вдруг, эти убитые - живы и победители. Радость...

Наконец, отряд выстроил каррэ на поляне у Атажукинского сада. Вокруг и в промежутках стоял народ. В середину каррэ проехали Заур-бек и адъютант и прошли члены Национального комитета. В речи, обращенной к войскам (по кабардински и по русски) Заур-бек, в сущности, обращался к населению. Напомнил ход революции, историю отряда его задачи и пр. Законность и порядок, мир и труд - вот то, к чему он стремился. Овациям

не было конца. Потом говорили члены Национального комитета (Таусултан Шакманов, Паго и Магомет-Гирей Тамбиевы, кажется Сохов и др. говорили, конечно, не все). Во время ответных речей один из членов Национального Комитета, вероятно, по уговору с другими, попросил Заур-Бека поклониться и на ухо предложил ему здесь же, сейчас провозгласить его диктатором Кабарды. Заур-бек улыбнулся и сказал в ответ: «Я есть то, что я есть. От провозглашения ничто не изменится. Это лишнее». Ударил ногой коня и отъехал в сторону...

Отряд распределили по квартирам, убитых повезли на кладбище, раненых в госпиталь. Под штаб отряда отвели гостиницу Кривчика (*Яков Кривчик - старшина слободы Нальчик в то время*). Заур-бек, гв. ротмистр Волошинов, адъютант и Хабиж поехали рядом к гостинице. Народ еще не разошелся. Не знавшие Заур-бека в лицо смотрели на этих четырех всадников и, решив по грозному и колоссальному виду Хабижа что начальник именно - он, аплодировали ему... Так был занят Нальчик, вопреки предречениям Видяйкина, что это «сон белой кобылы».

XXI. В освобожденном Нальчике

Уже в этом моменте, т.е. в моменте занятия Нальчика, можно было в среде кабардинцев различать три стиля мышления и поведения. Первый из них, который условно назывался антибольшевистским, заключал такие черты: антибольшевики как-то слишком подчеркнуто выполняли требования «адыгэ-хабзэ» (обычая), оказывали преувеличенное почтение старшим: «гостю и старшим почет». Они говорили о кабардинском «напэ» (лицо), но т.к. среди говоривших находились в некотором количестве денационализированные интеллигенты, то речи их получались вялыми, безвкусными и неубедительными. Надо заметить, что местом разложения кабардинской молодежи являются города минераловодской группы: курорты. Среди антибольшевиков были и честные, и патриотически настроенные (напр., князь Адиль-Гирей Атажукин, Магомет-Гирей Суншев и т.д. и т.п.) - люди. И они вели большую работу. Пока они говорили о значении кабардинской старины, моральных устоях жизни, добрых отношениях с Россией и казаками, они были на месте. Но их высказывания о будущем обнаруживали отсутствие настоящей исторической перспективы. Программа Заур-бека, вобравшая в себя и лучшее из прошлого, и необходимое для настоящего, и предвосхищение будущего - была явно не понята и внутренне не пережита. Для антибольшевиков самыми сомнительными пунктами программы были 2,

3, 4 и 12-ый. Этого они не принимали, но ничего своего дать не могли. Образование партии «Свободная Кабарда» явно проваливалось...

В противоположность антибольшевикам, большевики по преимуществу опирались на будущее. Планы их были часто нелепы и по своей фантастичности, и по своему иноземному происхождению к Кабарде никакого отношения не имели. Тем не менее, многие называли себя большевиками: тайно и явно. Требования большевиков сводились к установлению Кабардино-Горской советской республики, к отнятию и поделению многоземельных угодий, к уничтожению сословий. Во имя сохранения союза с духовенством большевики еще выдвигали лозунг: жизнь по шариату. Шариат - законы жизни Магомета. Они универсальны, хотя и созданы были в Аравии. Духовенство, в глубине души, наверное, ненавидевшее большевиков, шло с ними, надеясь, что в союзе с большевиками возобладает над влиянием князей и дворян и станет единым руководителем народа.

Сопоставляя все сейчас сказанное, можно вывести резюме: антибольшевики в массе боролись за сохранение нормального мирного положения; они не возражали против реформ, но не знали, какие реформы нужны; на их знамени было написано: (предание и обычай). Большевики требовали крайних реформ, шли к ним кровавым путем; по крайней мере, их вожди (Калмыков Бетал, Хабаля (*Хабаля Бесланеев - революционер, член Нальчикского окружного народного Совета в 1918 г. Комиссар IV участка Нальчикского округа, командир конного полка в составе 11-й Северо-Кавказской красной армии. В 1919 г. являлся министром внутренних дел в Правительстве Узун-Хаджи.*) и др.) знали, чего они хотят и одновременно они требовали установления шариата...

Столкновения адата и шариата, как столкновения потока жизненных явлений и неподвижной догмы неизбежны. Они бывали всюду в мусульманском мире. В Кабарде (отчасти и в Чечне) большевизм осложнялся шариатом, антибольшевизм - адатом. С философской точки зрения допустимо такое объяснение союза пролетарской революции и шариата: программа коммунистов также рационалистична по своей природе, как шариатизм. Т.о. в моментах аксиологических всегда улавливается созвучие. И пусть правоверные простят эти строки: «Я стремлюсь к истине, не к обиде!...».

Заур-бек со своими воззрениями оказывался как бы вне, между и над группировками. Думаю, что будущее принадлежит ему. Но в прошлом в 1918-1919 годах, ощутив несвоевременность своих политических

взглядов, он стал как-то отходить от политики, углубляясь в военное дело. Впрочем это выходило само собой, в силу событий...

Третий стиль мышления и поведения был, пожалуй, наиболее распространенным. Все нелюбители политических дразг, противники гражданской войны, любящие мир и труд принадлежали к этому стилю. Кабардинцы - народ деликатный, вежливый, мирный и трудолюбивый. Кабардинцы в массе ощущали гражданскую войну как нечто навязанное им извне, как похмелье в чужом пиру. И на самом деле так оно в известной мере и было. Кабардинцы хорошие дипломаты и знают цену и благодать жизни, что и доказали историей взаимоотношений с Россией. Они, в массе, не считали гражданскую войну неизбежной и для себя особенно существенной. Но не от них зависело ее течение. Во имя жизни, мира и труда они довольно легко принимали то антибольшевистскую, то большевистскую «защитную» окраску. И я оправдываю их.

Однако не надо забывать, что объективный фактор - выставление шести конных полков Кабардою и отчасти Балкарией (180 т. + 40 т. = 220 тысяч населения выставило до 3,5 тысяч всадников!) в добровольческую армию - указывает, что большинство симпатий было на стороне антибольшевиков. От последних Кабарда понадеялась скорее получить столь вожделенный мир...

Заур-бек понимал, что самым важным делом после взятия Нальчика есть дело замирения края. Надо было очистить округ от остатков красноармейцев, превратившихся в абреков; вообще прекратить бесчинства и разбои. Задача эта была выполнена всюду, исключая Малую Кабарду. Она, отрезанная от Большой казачьей чересполосицей, соседствующая с Ингушетией, жила своею, не особенно благополучной жизнью. Заурб-бек предполагал заняться ею позже. Ведь Терская область в целом далеко еще не была объединена; воевали во всех углах. Предполагались областные съезды освобожденных местностей, но их еще не было. Не было также прочного административного управления округом. Каждое селение, особенно дальнее, жило своею жизнью. Лишь Нальчик получил законность и тишину. В первый же день был пойман и расстрелян грабитель. Это послужило уроком. Политических казней было мало. В точности знаю одну и притом бессудную, без ведома Заур-бека. Начальником гарнизона был назначен полковник П.К. Рыбальченко. И он хорошо справлялся со своей задачей... Как сказано было выше, Заур-бек занимал помещение в гостинице Кривчика, старинного знакомого. Кривчик в это время был опять избран старшиной Слободы... Дня через два-три к Заур-беку прибыла делегация от евреев. Они сказали, что не

пришли раньше, т.к. готовились к встрече, соответствующей высокому званию «Вашего Превосходительства» (а Заур-бек был штабс-ротмистром). Они просили посетить их колонку, принять хлеб-соль; выслушать в синагоге молебствие о его здравии и т.д. Вероятно, это делалось в благодарность за не избивание евреев. Заур-бек был в синагоге. Ему подчerkнули, что он второй иноверец, посещающий их храм. Первый был Великий князь, командовавший войсками при покорении Кавказа...

Кажется, в этот же день донесли, что отбили автомобиль. Автомобиль принадлежал Великой княгине Марии Павловне, жившей в Кисловодске. Большевики его реквизировали, позднее испортили. Приказано было его исправить и отправить в Кисловодск, к Ее Высочеству (некоторое время Шкуро удерживал Кисловодск, с городом было свободное сообщение)...

Заур-бек считал (и он это высказал на Моздокском совещании, о котором ниже), что борьба с большевиками есть дело всенародное, а не отдельных лиц. Успех его движения убеждал его в том, что основные линии ведущейся борьбы им намечены правильно.

Многочисленные депутации различных селений Большой и Малой Кабарды и пяти горских обществ с просьбами закончить умиротворение края - в соединении с предыдущими соображениями привели к мысли объявить мобилизацию кабардинцев. Предполагалось, что на первое время, помимо уже существующего четырехсотенного полка достаточно будет сформировать еще один полк. Предполагалось далее, что одних добровольцев - охотников наберется количество, достаточное для второго полка. В этом духе и было составлено оповещение о мобилизации.

Действительность не совсем оправдала ожидания. Именно: участки округа I и II-ой, из жителей которого преимущественно выходили основные «серебряковцы», охотно давали добровольцев, а недостаток обещали пополнить мобилизацией. IV-й участок, - Малая Кабарда - находился вне общения с остальной Кабардой. На него расчет не велся. Но III-й участок, примыкающий к горной и плоскостной Осетии, не только не реагировал на призыв мобилизоваться, но и оказывал неблагоприятное давление на добровольцев. Такое положение дел в III участке объясняется, во-первых, соседством с осетинскими крменистами, откуда шла агитация; во-вторых, тем, что жители этого участка не верили в прочность антибольшевистского движения, они до сих пор не видели ни одной организованной части, на которую можно было бы опереться. В те времена, бывало, вопрос о присоединении к той или другой стороне решался путем оценки сил, которые вступали в борьбу.

Настроение III участка поставило Заур-бека в необходимость предпринять не скажу поход, но скорее военную прогулку по селениям III участка. Надо было продемонстрировать имеющуюся силу, поддержать своих сторонников и т.д. Главное же - вовлечь участок в орбиту общей политической и административной жизни; провести там мобилизацию. Все это было проделано, однако, не без столкновений. Стычки были незначительные. Противник довольно быстро уходил со своих позиций. Если не ошибаюсь, в конце концов, было решено в III-м участке мобилизацию не проводить, а ограничиться теми, кто изъявил добровольное согласие служить. Взамен мобилизации собрали с III-го участка контрибуцию...

Нальчик был занят 25-26 сентября по старому стилю. А оставлен в двадцатых числах октября. Не помню точно: до похода в III участок или после него - Заур-бек заболел «модной» в то время «испанкой». Заболел основательно. Врачи потребовали полного покоя, перевода из номера гостиницы в госпитальную или семейную обстановку. Некоторые кабардинские семьи предлагали помещение у себя. Предлагали и русские. Заур-бек попросил перенести его в русскую семью Н-х. Это обстоятельство, что Н-ие приютили у себя больного «бандита Серебрякова» впоследствии вызвало преследование со стороны большевиков: их дачу сожгли, а девушек преследовали. Пришлось девушек отправить в Балкарию, где их не знали...

Во второй половине октября один из рода Коновых ранил одного из рода Мисаковых. Между Мисаковыми и Коновыми была кровная месть. Коновы (кабардинские дворяне хорошей фамилии) сватали мисаковскую девушку (Мисаковы - балкарские таубии, князья); им отказали. Они тогда украли Люцу (имя девушки). Мисаковы отбили, и, отбивая, убили одного из Коновых. И вот теперь Коновы ранили одного из Мисаковых. Удар был за Мисаковыми. Чтобы предотвратить резню, Заур-бек арестовал Мисаковых (Конов скрылся) почетным арестом: держал их в номере рядом со своим, под караулом. Отсюда пошла близость между Мисаковыми и Заур-беком: в 1919 году он женился на Люце...

Во время всех описываемых происшествий формирование полков шло своим чередом. Первый полк был близок к тому же. Вставал вопрос о командирах. В Нальчике (или около) находился бывший командир старого Кабардинского конного полка полковник Абелов, как военачальник и человек вполне безупречный и всеми чтимый. Но он был тем, кем он был: авторитетным, уважаемым, бывшим начальником Заур-бека полковником и т.д. Чувствовалось, что Абелов находится в подчинении все-таки у

штабс-ротмистра Даутокова-Серебрякова негласно. Дипломатическим путем выяснили все вопросы: и то, что Заур-бек рад предложить ему полк; и то, почему это невозможно...

Командиром I полка был назначен полковник Мудар Кайсынович Анзоров, Георгиевский кавалер еще с японской компании. О нем говорилось выше. И будет еще говориться. Командиром II полка назначили кубанского казака полковника Василия Даниловича Гамалия.

Гамалий имеет Георгиевский крест за соединение с англичанами в Месопотамии в 1916 году. У него и высший английский орден, благодаря которому, кстати сказать, он и сейчас имеет некоторые средства для жизни за границей.

Разумеется, такой командный состав нельзя назвать иначе, как блестящим. Помощником Анзорова был Онуфриев, войсковой старшина Кубанского войска; помощником Гамалия - ротмистр Турпаев, армянин, кадровый офицер Северского драгунского полка. Генерального штаба капитан Семенюк исполнял обязанности начальника штаба бригады и всего отряда (не помню точно, когда он был назначен. Он был на Кубани смертельно ранен или убит)... В Нальчике еще во время владычества большевиков скрывался генерал Юзефович - начальник штаба «Дикой дивизии», у Великого князя Михаила Александровича генерал Юзефович жил инкогнито. Знали о нем лишь немногие. Заур-бек со всеми предосторожностями посещал генерала и подолгу вел с ним беседы...

Во второй половине октября, незадолго до развала Терского фронта, в Моздоке было устроено совещание высших чинов всей Армии с участием «председателей Правительства» - Казачье-Крестьянского совета.

Железная дорога Нальчик-Котляревская, Прохладная, Моздок функционировала. Особый небольшой состав доставил Заур-бека, его адъютанта и нескольких ординарцев из Нальчика в Моздок.

XXII. Моздокское совещание и развал фронта

На совещании обсуждались организационные, стратегические и политические вопросы. Читались сводки операций Добровольческой Армии, описывалось положение на Терском фронте, вернее на нескольких терских фронтах; делались доклады о деятельности Казачье-Крестьянского совета. На заседаниях присутствовал случайно задержавшийся в Моздоке генерал Гришин-Алмазов, имевший

полномочия от адмирала Колчака. Он ехал к генералу Деникину или от него? - во всяком случае, был тогда, как говорят, «большим человеком».

Попытаюсь дать картину тогдашнего положения на Тереке. Первый порыв и напор уже к октябрю прошел. Вообще с пафосом воевать можно лишь моментами. Трудно строить фундамент из пафоса. Между тем, в свое время, в июле и раньше, вожди восстания не обнаружили достаточных организационных способностей. Это касается и фронта, и тыла. На фронте стояли надежные части, главным образом конные; надежность их зиждилась главным образом на авторитете и популярности начальника. Но рядом - происходила «смена». В тылу пополнения набирались почти случайно. Высшей инстанцией был станичный сбор. А эта штука во времена гражданской войны переменчивая. Были станицы исключительные по доблести и самоотверженности. Например, Наурская, Екатериноградская, Бургустанская. Но чаще, как только линия фронта отошла подальше от данной станицы - так и воевать нечего. В тылу, сколько мне известно, не было обучающихся резервов, запасных частей. В Моздоке намечались кое-какие штабы формирующихся частей, но придавать им серьезного значения не приходилось. Чувствовалась явная недооценка коммунистического движения; над коммунистами много смеялись, пока что их побеждали - и были довольны. Между тем некоторая, и значительная, часть населения области явно сочувствовала коммунистам и активно или пассивно заявляла об этом своем сочувствии. Почти все т.н. «иногородние» были на стороне красных. Казачье-Крестьянский совет не стремился их переубедить точно так же, как не стремился найти общий язык с горцами: чеченцами, ингушами. Движение кабардинцев и осетин возникло без казачье-крестьянского совета. Но не надо понимать эту критику Казачье-Крестьянского совета, как критику ради критики или охаяние ради охаяния. Положение было грозное и сложное.

В поисках выхода задумались бы люди калибром и повыше членов Казачье-Крестьянского совета. В среде самих казаков обнаруживались явления большого политического значения, а, если угодно, и научного интереса. Именно: как правило, все стародавние станицы, как, например, Наурская, Екатериноградская... и старообрядческие, как Шелковская... были на стороне повстанцев. Тогда как недавно из крестьян образованные станицы - Государственная, Солдатская (сами наименования кое-что говорят), Курская... тяготели к большевикам. Казаки в этих станицах отнюдь не бедняки; напротив: Государственная, например, очень зажиточная...

Политические казачьи группировки сумели столкнуться. Уже это было хорошо. Те из казаков-политиков, которые в свое время кричали о контрреволюционности офицеров, поняли, что не они одни имеют мозги, чтобы думать, что мозги имеются и у «золотопогонников»: атаманами станиц и на других должностях были офицеры...

К числу существеннейших недостатков, скажу лучше, опасностей положения, надо еще отнести поголовное пьянство казаков под Кизляром. Да и в других местах. Перерывы между действительно красивыми и полными героизма порывами заполнялись дрящейся дезорганизацией, ленью, пьянством...

Генерал Эль-Мурза Мистулов, оправлявшийся от раны, присутствовал на совещании. Его убеждали вступить в командование армией, он отказывался. Его заместитель, полковник Федюшкин, был в высшей степени честным, толковым офицером и начальником. Но талантом и авторитетом Мистулова он не обладал. Мистулов, как опытный человек, вероятно, понимал безнадежность положения и не хотел брать на себя ответственность. После развала фронта он застрелился...

В промежутке между колебаниями Мистулова, генерал Гришин-Алмазов конфиденциально предложил Заур-беку, что он, Алмазов, сумеет настоять на назначении Заур-бека главнокомандующим. Можно предполагать, что Мистулов поддержал бы эту мысль. Он высоко ценил Заур-бека. Заур-бек отклонил предложение генерала Гришина-Алмазова... Всего в Моздоке Заур-бек провел пять или шесть дней. Жил в своем доме с мачехой и сестрой. Это последний раз с ними он виделся.

В Моздоке было необычайно шумно и весело. Отлично работали рестораны, особенно ночные. Появились политические деятели со всех концов. Были и советские агенты. Среди тамошнего офицерства явно организовались две группы: одна так сказать местная из офицеров-казаков, офицеров-неказаков и офицеров-инородцев уроженцев края. Другая, так сказать, общероссийская из русских и инородцев неуроженцев края. Первая чувствовала себя лучше второй, первая была горда и даже хвастлива. Вторая, естественно, (вот уж кто составляет подмену пролетариата - офицеры, разбросанные всюду!) жила молчаливо и замкнуто. Я несколько обостряю характеристики. Во второй группе была популярна мысль: все силы фронта сосредоточить на левом (кабардинском) фланге и добиться соединения с Добровольческой армией. Мысль эта с точки зрения стратегической неоспорима. Но с политической точки зрения ее выполнение и даже попытка к выполнению -

самоубийственны. Во время гражданской войны территориальный момент играет первенствующую роль. В том была терско-кубанская трагедия 1918 года; в этом же (помимо всего прочего) была трагедия и «колчаковско-деникинская». Оторвавшись от своей территории части, почти переставали драться, стремились уйти домой. И домой уходили: группами и «молекулярно». В 1918 году терцы при всей очевидной необходимости и разумности соединения с Добровольческой армией и Кубанью, не пошли бы на это; они не пожелали бы удаляться от своих хат. В 1919 году генерал Деникин не мог бы, если бы и очень захотел, соединиться с генералом Колчаком в силу тех же причин. Точнее определенной причины: бремя территориального момента. Здесь заключался «обрыв», в который сползло движение окраин на Москву. И наоборот, во всех пунктах соприкосновения войск центрального советского правительства с войсками окраин территориальный момент (помимо всего прочего) играет благоприятную роль...

Перед отъездом из Моздока Заур-бек одел погоны и по приезде в Нальчик приказал своим частям сделать то же самое. Ходил слух, будто Заур-бек одел генеральские погоны, говорили: сам себя произвел в генералы. Но это чепуха. У него всюду были нашиты шт.-ротмистерские погоны, кроме френча: на френч - корнетские...

Пока все это происходило в Моздоке, в Нальчике, боль шевистское командование собрало значительные силы и двинуло их по линии наибольшего сопротивления, прямо в лоб по линии железной дороги и по сторонам ее. У них был смысл так действовать, т.к. в числе их ресурсов были настоящие бронепоезда. Казаки же имели лишь несколько броневых вагонов, а общий вид казачьих бронепоездов был «самодельный».

Наступление большевиков началось числа 20-22 октября. До этого они выбили из Кисловодска генерала Шкуро и с кисловодчанами разделались по-своему. Однако посланный Заур-беком для связи с частями Добровольческой армии шт.-ротмистр Хабиж Абдурахманов благополучно проехал на Кубань.

Сомнительно: были ли большевики настолько сильны, чтобы наверняка разбить казаков? К 20 октября в районе Марьинской и Аполлоновской у казаков ни в людях, ни в боевых припасах недостатка не было. Кабардинский отряд до самого последнего момента стоял спокойно в Нальчике. На фронт его вызвали, когда бои уже начались и начались неудачно для казаков. Числа 21 или 22-го пришло первое тревожное известие с фронта. В тот же, в обед, день потребовали кабардинцев на

подмогу. Бригада выступила через 4—5 часов: вечером того же дня колонна кабардинцев направилась к северу. Такой быстрый сбор указывает на качество бригады.

Из Нальчика выступали в полной уверенности, что, восстановив положение на фронте, вернемся обратно. Из вещей брали с собой лишь самое необходимое. Обозы оставлялись в слободе. Заур-бек со штабом несколько задержался отдавая приказания остающемуся военному и гражданскому начальству. Догнали отряд на уже дальней версте. Со стороны отряда неслось пение:

*Мы шли разомкнутою лавой,
Крича Аллах на всем скаку,
Покрыли полк бессмертной славой
- Хвала Кабардинскому полку!
Ведь нам не страшна вражья сила,
Когда любовью горя,
Мы все умрем за Михаила
За брата белого царя!., и т.д.*

Эту песню сложили еще на Австрийском фронте. Сейчас ее пели вольноопределяющиеся. Как-то по-новому выглядел и чувствовался отряд: это была вымуштрованная, дисциплинированная строевая и боевая часть: настоящая бригада полного состава. Отряд - это все-таки импровизация. Бригада же - цельная и продуманная композиция. Заур-бек ехал далеко в стороне от всех, с двумя ординарцами. Один из них - подпрапорщик (подхорунжий) Хазеша Дигов (*Диков Хазеша Увжукович, Офицер Кабардинского конного полка, георгиевский кавалер. В годы гражданской войны вступил в отряд З. Даутокова-Серебрякова. В 1919 г. служил в Кабардинской конной дивизии. В 1920 г. эмигрировал.*): маленького роста кабардинец, свирепый на вид, обвешанный медалями и крестами, часть коих получил в японскую, часть - в Великую войну. Другой - сын того же Суншева, о котором упоминалось уже в первых главах. Его звали Маштай (*Суншев Маштай Муссаевич. В годы гражданской войны вступил в отряд З. Даутокова-Серебрякова. В 1919 г. служил в Кабардинской конной дивизии.*), он великан, в нем полных три аршина, он очень строен и силен, представительен и воспитан, он - балкарец селения Безенги (Тюбеней). Если не изменяет память, первая ночевка была в поле. И собственно, не ночевка, а не большой привал.

Перед рассветом подошли к Ашабово. Туман стоял неопиcуемый. Надо видеть этот туман и, пожалуй, повоевать в нем, чтобы понять, что это

такое. Туман, бывший в ту осень особенно густым, сильно и скверно повлиял на исход тех операций. Правда, такой же туман путал карты и большевикам; туман помешал им преследовать энергично...

Авангард кабардинцев был встречен около Ашабово ружейным и пулеметным огнем. Кто стрелял, откуда, много ли стреляющих - все это было неизвестно. Высланные на разведку разъезды из людей, идеально знающих местность, спутали дороги. Одни нарвались на противника, другие стреляли на близком расстоянии друг в друга, пока по голосу не узнали. Между тем, Ашабово, по условию с Терским командованием, надо было взять во что бы то ни стало: туда от казаков должны были приходиться сообщения о ходе событий. Заур-бек, видя всю эту путаницу и прекрасно отдавая себе отчет о психологическом состоянии людей отряда в подобного рода обстоятельствах, рискнул на смелый шаг: он приказал полкам входить в селение. Рисковал ввязаться в столь опасный для конницы уличный бой. Все сошло прекрасно. Выяснилось, что первоначально стрелял красный разъезд, а потом жители. Настроение ашабовцев было не в пользу бригады. Приказано было полком занять дома на высоте. Донесений ниоткуда не поступало. Между Ашабово - Нальчик поставили полевую почту. И таким образом первые два м.б. и три дня сведения о положении дел на фронте получали окружным путем.

Между тем фронт находился верстах в 15-ти или 20-ти. Приезжавшие из кабардинских селений всадники давали о фронте самые противоречивые сведения. И сведения не могли не быть противоречивыми, т.к. фронт, прежде чем окончательно рухнуть, колебался. Как потом выяснилось, линия фронта колебалась между Солдатской, Шордановской и Прохладной. Да и Солдатскую отдали и взяли обратно. Казачьи разъезды вследствие тумана не находили кабардинцев. А кабардинские разъезды, ходившие к Марьинской, то находили там красных партизан, а то никого не находили. Положение было в высшей степени неопределенное и тревожное. Позже выяснилось, что после смерти командующего фронтом полковника В. К. Агоева, которая произошла 24 октября, казаки отдали ст. Марьинскую. Т.о. дня два-три кабардинцы не только стояли, «висели», на фланге у красных, но после их продвижения к Солдатской угрожали их тылу. Выгоды этого положения не были использованы вследствие отсутствия связи: обстановка не была освещена. С другой стороны, в тот день, вероятно, 26 или 27 октября, когда большевики решили «ликвидировать» кабардинский отряд, казаки на своем фронте почувствовали облегчение. Оно объяснялось оттяжкой большевистских сил назад, к Марьинской, для ликвидации кабардинцев. Этот момент был опять очень удобен для координированного контрнаступления. И он был

также упущен. Казаки фронтовых частей потом говорили, что в этот день они доходили разведкой до ст. Солдатской и никого не встретили; они слышали почти весь день артиллерийский бой и не знали: кто с кем дерется...

Бой этот происходил следующим образом. Утром разъезды донесли о продвижении большевистской пехоты от ст. Марьинской и сел. Атажукино III, вверх по р. Малке, к Ашабово. Не было сомнения для чего и против кого двигалась пехота. Тотчас построили полки и двинули их навстречу. В этом бою, который может быть по местности назван вторым Куба-Тапинским боем, бригада Заур-бека занимала исходное положение тогдашней большевистской пехоты, а большевики занимали место, где, приблизительно, разворачивался отряд Заур-бека для боя. Когда полки выехали на позицию, разъезды, посланные в сторону Пятигорска, донесли о продвижении красной конницы на той, левой, стороне Малки. Т.о. готовились фронтовой и фланговый удары.

Селение Ашабово, которое было враждебно настроено, оставалось в тылу.

Вступать в бой при таких условиях было чрезвычайно опасно. Но необходимо было не только драться, но и победить. Ведь оставался не эвакуированный Нальчик с управлениями, учреждениями, семьями и т.д.

Бой был принят... Две сотни первого полка были посланы против наступающей пехоты с задачей остановить наступление и во всяком случае выяснить ее количество. Сотня второго полка была переправлена с аналогичной задачей на левую сторону Малки, Остальные две сотни первого полка повернутые фронтом к пехоте, составляли резерв и прикрытие батареи. Три сотни второго полка вытянулись вдоль реки, лицом к ее течению и, следовательно, к противнику, который еще не был виден. Бой начался с атаки пехоты двумя сотнями первого полка. Дошли до удара в шашки, но потом отступили, не теряя, однако, соприкосновения. К большевистской пехоте стали прибывать подкрепления из ст. Марьинской. С невидимой позиции большевики открыли частый орудийный огонь. Наша батарея отвечала, но не находя позиций противника, била по его пехоте. Пехота все накапливалась, она окопалась. Восемь пулеметов «поливали» дивизион первой сотни. Было очевидно, что когда в поле выйдет достаточное количество пехоты, она перейдет в наступление. Ее должна была бы поддержать конница с левой стороны Малки. Заур-бек приказал полковнику Анзорову подтянуть две резервные сотни к стоявшим на позиции и всем полком произвести атаку... Атаковали раз, и второй, и третий: доходили до окопов и, неся потери, отходили от них. Делалось это с целью удержать пехоту на месте... Обыкновенно, в бою нарушается обычное течение времени:

трудно сказать: в какой именно момент II-й полк был переброшен на левый берег Малки? В какой момент он атаковал красную конницу и под ее убийственным огнем из пулемета с тачанок, опрокинутый, повернул назад? На левый берег полк шел через переправу у ашабовского конного завода. А отступал - прямо через реку, хотя и в этих местах ее берега обрывисты и считаются непроходимыми...

Командир II-го полка, полковник Гамалий, бывший в этот день облеченным в бухарскую шубу-халат и производивший впечатление гунна, взволнованный на лошади, покрытой пеной, подскочил к Заур-беку. Гамилий требовал и умолял оставить на время пехоту и все силы бросить против наступающей с пулеметами красной кавалерии... В этот же приблизительно момент прискакал командир 4-й сотни I полка есаул Томашевский с докладом, что пехота вышла из окопов и идет в наступление. В довершение бед этого часа или этой минуты раздалась пулеметная стрельба с вершины Куба-Тапа. Получалось полное впечатление полного краха. В ближайшем тылу - враждебное Ашабово.

Вот тогда-то Мудар Анзоров командир 1-го полка получил категорическое приказание и братскую просьбу Заур-бека - начальника и брата - во что бы ни стало опрокинуть своим полком пехоту и прогнать ее в ст. Марьинскую. Тогда-то Мудар Анзоров приказал своему приближенному Хаджи-Омару Сомгурову прочесть вслух главу из Корана и выслушал ее с головой склоненной... Мудар повел свой полк в атаку. Сам Заур-бек мчался от одной группы отступающего II-го полка к другой, сообщая их, выстраивая и ободряя перед новой решительной атакой. Между тем долина, занятая кабардинцами, обстреливалась с трех сторон: пулеметами и орудиями со стороны Марьинской; пулеметами и особенно орудиями со стороны левого берега Малки; пулеметами и винтовками с вершины Куба-Тапа. Стоял форменный ад. Из наших орудий отвечало только одно; другое было подбито... Заур-бек приказал взводу, находившемуся в прикрытии у орудий, спешиться и лезть на Куба-Тапа, согнать оттуда стреляющих. Кажется, этот взвод повел поручик Николай Андреевич Козлов (старый офицер Кабардинского конного полка). Большевицкая конница, имея впереди себя тачанки с пулеметами, подходила к самому берегу Малки, когда вынув шашку, Заур-бек повел за собою II-й полк в атаку - напрямик, к обрывам реки, и через них - на пулемет. О, кабардинские воины! О кабардинские кони! Непроходимая река стала проходимой... Красной конницы было не более 2-3 эскадронов, следовательно, немного. Но она была лишь прикрытием или поддержкой огромного, чисто махновского отряда пулеметов на тачанках и трех полевых орудий. На левом берегу против фронта II-го

полка и фланга первого (полки стояли и шли почти перпендикулярно друг другу) насчитывали 20-22 пулемета...

К вечеру пехоту прогнали к ст. Марьинской. Красные пулеметы и конница удрали к Пятигорску. Два орудия большевики увезли с собой, а одно оставили на поле битвы, без упряжи. Если бы была упряжка, можно было бы вывезти. У орудия испортили замок, а имевшиеся в зарядном ящике гранаты и шрапнели положили в переметные сумы и привезли нашим артиллеристам в подарок. Помнится, корнет Тиханович-Савицкий и Гедмишхов вернулись с левого берега позже всех, они-то и привезли «подарки»... Поручик Козлов не успел добраться до вершины Куба-Тапа, как сидевшие там оттуда исчезли. Вероятно, это были ашабовские коммунисты.

Поле сражения осталось за кабардинцами. Оба полка особенно первый, были основательно потрепаны. Весь отряд измотался в конец. Но надо было спешить на р. Баксан; встречать беженцев и обозы, шедшие из Нальчика. Таким образом, прежде чем идти на Кубань, на север, Заур-бек приказал вернуться вглубь Кабарды, на юг. После целодневного боя, уже ночью, отряд медленно поднимался на отроги Куба-Тапа, по единственной проезжей для артиллерии дороге. Тихо было в отряде, даже вольноопределяющиеся не пели песен. На подводе лежали раненые и стонали. Это была единственная музыка ночи. Гремели передки орудий.

XXIII. Т. С. О.

На следующее после боя утро Кабардинский отряд выступил к р. Баксану. Стоял густой недвижный туман. Освещать обстановку было очень трудно. Шли медленно, часто останавливаясь и поддерживая связь с разъездами. И все таки неожиданно встретились, столкнулись вернее с казаками полк. Конст. Конст. Агоева.

От Агоева узнали печальные новости: фронт пал, его брат Владимир, убит, ген. Мистулов застрелился, не вынес позорной картины разложения и бегства. Мистулов оставил записку на имя Джамбулата Кибирова (сведения брошюры «Памяти годовщины восстания Терских казаков 1918-1919 г.»). В ней он обращался ко всем мужественным духом терцам, призывая их к дальнейшей борьбе, с помощью ген. Деникина. Однако, ходили слухи, будто мистуловская записка была обращена не к Джамбулату, а к Заур-беку. И даже в 1926 г. мне пришлось встретить

участника борьбы на Тереке, уверявшего, что Мистулов писал именно Серебрякову. Это неверно...

Два слова о полк. Конст. Агоеве. Это тот самый Агоев, который со своей сотней прорубился сквозь проволочные заграждения и взял в плен 9 офицеров и 826 солдат австро-германцев при семи пулеметах. Среди своих станичников (он осетин) и друзей полк. Агоев известен под именем «Костика Агоева». Сейчас он вел с собою два конных полка численность коих достигала 600 шашек. Двигался он на Кубань, но вместе с кабардинцами повернул к Баксану. На Баксан к этому времени уже прибыли беженцы из Нальчика под охраной отряда полк. Баразбия Мамышева. Мамышев на сей раз ушел на Кубань, где, позже, несчастливо сломал себе ногу и до нового взятия Нальчика почти все время проболел.

Там же на Баксане стоял отряд полковника Астемира Кибирова; он состоял из батальона пехоты (осетины-казаки, осетины-ироны и русские), эскадрона конницы разноплеменного состава и трех орудий. Отряд Кибирова славился своею стойкостью и беспощадностью. Беженцы-нальчане передавали, что вслед за ними движется какой-то офицерский отряд с каким-то огромным штабом.

Эвакуация слободы проходила спокойно и благополучно. Выехали все, кто хотел. Помимо нальчан на Баксане сосредоточились и беженцы из казаков и крестьян и еще многие неизвестно откуда. Заур-бек собрал их, объяснил положение, выяснил насколько им могут быть страшны большевики и стеснительны переходы через горы. Было еще неизвестно: пропустят ли красные всю эту массу сквозь узкие горные проходы. Большинство беженцев ехало сами не зная куда и зачем: поддались массовому движению. Они, впоследствии, вернулись по домам...

Удивительно и необъяснимо почему большевики оставляли без внимания такое количество войска и беженцев. Ведь у них были, вероятно, силы помимо тех, с которыми дрался кабардинский отряд на Малке. Остается допустить, что сил у них было не так уж много. И это тем хуже для всех участников последних боев: были побиты, имея возможность побить...

Все три отряда - Заур-бека, Кибирова и Агоева - и беженцы перешли в с. Наурузовское. Отмечу: всегда, когда отряд кабардинцев вступал в соприкосновение с другими частями, Заур-бек принимал все меры к тому, чтобы изолировать своих людей и тем самым - возможность посторонних влияний. Заур-бек предпочитал пройти лишних несколько верст, расположиться теснее и вообще в менее благоприятных условиях, но все-

таки быть «в отделе». Так он поступал будучи еще командиром сотни, так поступал и позже, до конца своей жизни...

В Наурузовском приехал к Заур-беку полк. Агоев и они начали совещаться о том кому быть начальником всего «триединого» отряда? По чинам и выслуге тем самым старшим был Агоев; но по летам и местному туземному обычаю - старшим признавался Кибиров; Заур-бек был всех младше чином (шт.- ротм.) и летами. Но он был командиром самой большой части, он знал местность, он был талантлив. Агоев убеждал Заур-бека взять командование на себя. Но Заур-бек, уже обдумывавший этот вопрос, утверждал, что если не предложить командование Кибирову, то Кибиров «выйдет из игры» и тогда весь «триединый» отряд останется без пехоты. Кроме пехоты, у Кибирова был большой запас пушечных снарядов, а у Агоева и у Заур-бека снаряды были на исходе. Все эти соображения и в конце концов то соображение, что ведь в сущности командовать будут все три начальника сообща, привели к соглашению: пойти к «Аштимуру» (Кибирову) и просить его быть начальником всех войск. Что и было сделано. Кибиров по обычаю, немного возражал, потом, «нехотя», согласился. У него был весьма и весьма дельный начальник штаба. Фамилию не помню...

Следующей стоянкой избрали сел. Кармово (*Ныне с. Каменомостское, КБР*). Это - последнее кабардинское селение по пути отступления колонны. Пребывание в нем ознаменовалось несколькими происшествиями. За все время гражданской войны кабардинцы впервые увидели как митингуют военные части. Дело началось с того, что кто-то из казаков отнял у поселянина-кабардинца улей с медом. Мед понравился. Казаки, и не они одни, а еще «разноплеменники» отряда Кибирова и беженцы, начали растаскивать всю пасеку. Тогда в дело вмешались кармовцы, бросились к Заур-беку. Усилиями всадников и кармовцев грабеж удалось прекратить. Кибиров хотел немедленно произвести дознание и, найдя виновных, примерно их наказать. Все это способствовало нарастанию уже имевшегося брожения у казаков. В тот же вечер у них начались сходки. Говорили о необходимости возвращаться в станицы и их защищать; говорили о полной неясности: куда нас ведут офицеры; говорили о том, что если уйти к большевикам и захватить с собой офицеров, то, пожалуй, большевики «казнить» не будут. А если расстрелять офицеров, то так им и надо. Одним словом, в весьма разнообразных формах проявлялось действие «территориального» момента, о котором писалось выше.

Утром следующего дня произошел настоящий митинг. Потребовали Агоева... Заур-бек был спокоен за своих людей. Он лишь приказал дежурной части и пулеметчикам быть наготове... На митинге голоса разделились. Казаки Пятигорского отдела (ближайшего к действиям Добр.

Аормии) стояли за уход «к Деникину» и продолжение войны с большевиками. Их было большинство и они были старыми соратниками Агоева. Казаки дальних станиц звали всех домой: одни воевать «за свою хату», другие - мириться и, в конце концов, опять таки с надеждой жить в той же хате при советах. В результате человек 200 ушли из Кармово на юг, «по домам», а человек 350-400 - двинулись на север «к Деникину».

Полк. Агоев после этого случая не стал ждать остальных частей и в качестве самостоятельного авангарда пошел вперед, что было благоразумно. При выходе кабардинцев из Кармово обнаружилось бегство из отряда взвода кабардинцев, - все почти из одного дальнего селения III-го участка. При выходе из Нальчика всех всадников, офицеров, ординарцев, пулеметчиков и т.п. было 1150-1200 чел. На Кубань прибыло 830-850...

В Кармово вновь подтвердились сведения о продвижении какого-то отряда, состоящего из офицерского батальона и большого штаба. Отряд этот шел по следам кабардинцев и кибировцев. Сколько помню, в селении

Гунделен произошла встреча с таинственным отрядом. Оказалось, что офицерский батальон был, действительно, офицерским батальоном, хотя там было едва ли больше 200 штыков. Что касается штаба, то и здесь ошибки не произошло; но интерес дела состоял в том, что это был не чужой штаб, не чей-нибудь, но штаб всех отходящих на Кубань войск: в том числе кабардинских и кибировских. У штаба даже и значек соответствующий имелся: скромный трехцветный флаг с буквами: Т. С.

О., это значило: Терский соединенный отряд (Т.С.О.). Оказалось, что начальником отряда является генерал Левшин. Эту новость Заур-бек и Кибиров узнали будучи приглашенными генералом к себе на совещание. Вот в чем дело. Еще с июня месяца 1918 года, а может быть и раньше, в станицах Ново-Осетинской и Черноярской (в одной из них) находился ген.

Левшин в качестве представителя, командования Добровольческой Армией. Что именно делал ген. Левшин и каково его участие в Терском восстании 1918 г. мне неизвестно. Официально он не выступал. Быть может потому, что большинство членов Казаче-крестьянского Совета состояло из меньшевиков, соц.-революционеров и т.н. казакаманов. Имел ли он влияние на командный состав? - едва-ли. С некоторыми офицерами (и с ген. Мистуловым) он был знаком. С Заур-беком переговоров он не вел, связи не имел. В конце концов, и Заур-бек являлся представителем кабардинской (самостийничества!) да еще революционной партии...

теперь, когда повстанцы Терека и Кабарды шли на соединение, с Добр. Армией - генерал Левшин вступил в свои права. Впрочем, были ли у него права? ведь он не был и не мог быть назначен командовать хотя бы двумя солдатами из терских войск, ибо Терек (и Кабарда), имея оперативные связи с Добр. Армией, верховенство вождя последней не признавали. Ведь не одно и то же: быть представителем или командующим-начальником. Ген. Левшин плохо представлял интересы Добр. Армии, т.к. с первого шага произвел неприятное впечатление. Все можно было бы сделать иначе... При других условиях едва ли бы Заур-бек и Кибиров признали нового вождя. Но в данный момент иного выхода не было: шли искать спасения у Добр. Армии. Но эта вынужденность признания, это «использование момента» и составляли некрасивую его сторону. Добр. Армию любили, ее ставили в пример, к ней стремились, стремились войти в ее славные ряды - и вот, когда таким, как описано, способом «принимали» в Армию - было нехорошо... Передавали, будто с Левшиным поедет семья ген. Корнилова. Семья ген. Корнилова скрывалась в тех же осетинских станицах, где и Левшин. Это правда. Но ехала ли семья сейчас с Левшиным - не знаю. Обаяние имени ген. Корнилова было настолько велико, что многое и многое извинялось Левшину за один только слух о том, что Корниловы доверились его защите. Между тем, не только способ «формирования» Т.С.О. и возглавление его надо было извинять. На совещании начальников (кроме Заур-бека и Кибирова был еще командир офицерского батальона полк. Литвинов и были еще некоторые, по приглашению от Левшина) генерал в таких выражениях заявил о необходимости, иметь при себе опытного начальника штаба Т.С.О. Он сказал: «Господа, когда я имел честь командовать полком царскосельских гусар, у меня была превосходная... няня - в виде старшего офицера. Господа, мне необходимо иметь опытную няню для моего Т.С. отряда...». Стали обсуждать кого бы избрать генеральской «няней». Называли имена ген. шт. полк. Беликова (ген. шт. полк. Беликов заявил себя смелым начальником и опытным организатором в период большевизации Владикавказа. Он был одним из вождей повстанцев во Вл-зе. В 1919 году Беликов был начальником штаба Кабардинской конной дивизии) и ген. шт. генерала Гусакова (не то Гусева?). Генерал Левшин остановился на втором. Затем ген. Левшин сообщил о своей связи с ген. Деникиным. Сказал: «Я докладывал Его Превосходительству о ходе восстания на Тереке, посылал ему довольно обширные «простыни» (т.е. донесения)». Левшин и впоследствии не оставлял эту привычку: посылал «простыни»... Адъютантом у него был старый офицер Кабардинского полка корнет А. А. А. - человек умный, добрый и симпатичный. Универсант. Патриот. И как офицер неплохой. Но он, будучи человеком склада Пьера Безухова почему-то стилизовал себя под Андрея Болконского. Общий дух штаба

Т.С.О. говорит о том, что, дескать, не забывайте кто мы, а кто вы. Мы - представители, полномочные представители Великой России, а вы - инородцы. Кабардинцам и казакам как-то незаметно, но явственно дано было понять, что, в сущности, они всего лишь «кабардосы» и «казачки». Бедняги! Они, должно быть, не знали истории, иначе не относились бы таким образом к кабардинцам, терцам и осетинам христианам...

Заур-бек и Кибиров очень редко встречались с ген. Левшиным. Сами они в штаб не ездили, штаб их не вызывал, предпочитая сноситься через ординарцев... Во время стоянки в Гунделене были случаи ограбления жителей. Жители обращались за помощью к Заур-беку. Заур-бек направлял их в штаб Т.С.О., к высшему начальству. Грабили гл.о. ненадежные и худшие элементы Кибировского отряда. В одно утро, Заур-бек еще не поднимался с постели, к нему приезжали гунделеновцы, крича: «Грабят мечеть!». Заур-бек тот час выслал своих людей с приказанием пристрелить грабителей на месте. Грабители почти все скрылись, поймали и привели к Заур-беку одного осетина. Тот бежал медленно, не желая расставаться с ковром из мечети и другими награбленными предметами (одеяло, женская золоченая застежка и пр.). В руках у него была берданка. Он даже посмеивался, полагая, что с ним «шутят свои». Но шутки были плохие. Заур-бек вырвал у него из рук вещи и берданку, начал его ругать. Тот оправдывался. Заур-бек начал его избивать прикладом берданки, бил по страшному. Потом взвел курок и хотел застрелить. Но недалеко стояли женщины и дети. К Заур-беку подошел его приближенный и указал на это обстоятельство. Грабителя с запиской и под стражей отправили в Кибирову. Кибиров очень рассердился на самоуправство Заур-бека... Заур-бек человек среднего роста. Широкий в плечах, тонок в талии. Руки и ноги и весь корпус - сухой, жилистый, эластичный. В минуты гнева сила у него была необычайная. Однажды, не желая убивать, но желая наказать, он руками сделал из человека известной всем силы и свирепости буквально котлету.

XXIV. На пути к Добровольческой армии

После разгрома терские повстанцы уходили от большевиков в двух направлениях: одна группа на юг, в Чечню и Дагестан, ближе к району действий Лазаря Бичерахова; другая на Север, на Кубань, в район действий Добровольческой Армии. Вторая группа, под именем Терского соединенного отряда прошла от Кармово в Гунделен и далее мимо Хасаута и Кисловодска, через Кич-Малку, в селение Старо-Абуковское

(Ныне пос. Красновосточный, КЧР); в Старо-Абуковском стояла абазинская сотня под командой полковн. Кусова (осетина). Поход этот продолжался с 28-30 октября по 7-9 ноября 1918 года. Шли по местам гористым, безлюдным и бесплодным. Продовольствия отряд не имел.

Питались случайно. Фуражное довольствие было лучше. Часто попадались стога сена, но не было овса. Осень в горах переменчива. Днем бывает жарко. А ночью, иногда разыгрываются бури со снегом и т.д.

Вследствие голода, холода и утомительных переходов несколько офицеров батальона полк. Литвинова умерли на дороге. Их, кажется, даже не похоронили. Двигался отряд очень медленно. Тяжелая горная дорога, присутствие обозов, беженцев и артиллерии объясняют это. На подъемах и спусках работали люди не меньше лошадей. В некоторых местах приходилось чуть не строить дорогу, накладывать мосты. Были больные и раненые, но медицинской помощи не было. Женщинам, детям, старикам, словом, беженцам приходилось много страдать.

Страдания их, да и войсковых частей, увеличивались благодаря искусному управлению штаба Т.С.О. Штаб не уставал рассылать приказы огромной величины. Это были действительно как те «простыни». Ген. Левшин не обманул: он таки мастер этого дела. Приказы напоминали знаменитые, так зло и умно осмеянные гр. Л. Н. Толстым, австрийские диспозиции. Предусматривалась мельчайшая подробность, чуть ли не указывалось где и кому рыть отхожие «ровки» для дам и мужчин. Штаб, разумеется, по соображениям высшей справедливости, назначал в авангард, арриергард и т.д. то одну часть, то другую: по очереди. Надо знать, что на этих дорогах, по которым двигался отряд, с трудом могут разминуться две обыкновенные балкарские арбы. Волей и больше неволей начальникам частей приходилось приказы не исполнять или исполнять в видоизмененном порядке. Штаб не особенно следил за исполнением своих распоряжений. Предполагалось, очевидно, что распоряжения, их высокая качественность, будут оценены историей...

Заур-бек на каждый день отдавал свои приказания, но не письменные, а устные. Большой тяжестью для кабардинцев было несение службы связи. Штаб Т.С.О. ежедневно требовал огромные наряды. Людей гоняли вдоль колонны с приказаниями идти вперед или остановиться. Но в действительности колонна шла, и шла. Ведь посылкой ординарца не вытащишь орудие из потока и не починишь сломанную подводку, лежащую преградой на пути. На почве этой самой «службы связи» происходили трения между штабом и Заур-беком. Донимало еще расчленение кабардинских частей на кусочки: взвод туда взвод сюда, охранения слева, застава справа и пр...

Перед всякой эвакуирующейся армией, с которой идут беженцы, будь то армия сербская, русская или армянская, встает вопрос: преследует ли она цель самосохранения, сохранения своей живой силы; или же она служит конвойной командой, прикрытием беженцев. В первом случае - армия заботится о том, чтобы проложить себе легчайшую и важнейшую дорогу. Эта дорога может идти через боевые столкновения, вообще опасности. В первом случае беженцы принимаются в расчет, постольку, поскольку, они не стесняют движений армии. - Так было с сербской армией, когда она уходила на Коругу... Другое дело, когда армия охраняет, конвоирует беженцев. Тут прежде всего ищется путь наиболее безопасный, независимо от расстояния. Расположение войск диктуется интересами беженцев. Так именно уходили армянские беженцы и армянские войска от турков...

Что касается Т.С.О. и беженцев, идущих на Кубань, то здесь было смешение обоих начал. Путь через Кич-Малку был наиболее безопасным. Следовательно, избравшие его, желали прежде всего спасти беженцев. Ведь войска могли пробиться через Кисловодск и пройти путь от Баксана до Старо-Абуковского в два-три дня. Кроме безопасности, он был и наиболее продолжительным...

Штаб Т.С.О. в своих приказах, стремился сочетать и охранение беженцев и меры предосторожности в боевой обстановке. Вероятно, боевой характер приказов надо понимать и толковать с исторической точки зрения: они, повидимому, рассчитаны были на восхищение отдельного потомка...

Заур-бек с утра (или еще с вечера предыдущего дня) получал обстоятельное приказание в какую сторону и сколько разъездов надобно выслать. Приказания такого рода не исполнялись. Совершенно излишне было мучить людей и лошадей бесцельными разъездами, боковыми заслонами и т.д. За все время пути произошло лишь одно столкновение, да и то осталось невыясненным: были то красные или просто абреки. Перестрелка продолжалась несколько минут, ее не все даже слышали. Потерь не было, если не считать госпожу Баранову, умершую под влиянием испуга от разрыва сердца. Но об этом ниже...

Заур-бек считал большим достоинством человека умение сохранять присутствие духа, спокойствие, даже привычки и манеры, словом «самого себя» - во всех положениях. Согласно такому взгляду, он всю дорогу поступал и жил по раз и навсегда установленному ритуалу. Он считал, что подобного рода поведение начальника благоприятно действует на

подчиненных. Успокаивает их, доказывает им, что «все идет отлично». Так например, даже на перевале у р. Кич-Малки (Кич, или правильнее Гич-Малка - это значит Маленькая Малка; она - горная река приток Малки), в снежную бурю он приказал поставить походную кровать и, после намаза (молитвы), лег спать. Утром он лежал под снегом. Он еще не проснулся - (или не хотел просыпаться), когда из штаба Т.С.О. принесли очередную «простыню». Ординарец, привезший приказ, говорит, что содержание его очень важное и должно быть немедленно прочитано Заур-беком. Но что важное могло случиться в горах на Кич-Малке, чего бы моментально не узнали все. От ординарца приказ взяли и успокоили его, говоря что все будет исполнено. Заур-бека не тревожили. До начала выступления было далеко. Дело происходило на рассвете. Всадники жгли сено и грелись около костров. Кто имел, варил чай, кто не имел, поджаривал на палочках или кинжалах выданный хлеб и ел в сухомятку. Через некоторое время из штаба приехал второй ординарец, уже вольноопределяющийся, с подтверждением важности приказа. И его успокоили, с надеждой отправили обратно. Штаб Т.С.О. находился поблизости, на том же перевале. Наконец, прибыл офицер для поручения; были ли у него аксельбанты не помню. И он взволнованно стал убеждать, что необходимо разбудить Заур-бека, что в штабе очень волнуются, как это так, до сих пор важный приказ не вручен и т.д. Офицеры Заур-бека помогли успокоить гонца, предложили ему чай, поджаренный хлеб - что могли. Но говорили, что сами они будить не будут, да и ему не советуют. В это время раздался из-под бурки голос Заур-бека: Гаврюшка чаю! (Гаврюшка - австриенок и Локман Орхестов, кабардинец - один слуга другой вестовой Заурбека, всегда находящийся при нем). Гаврюшка принес пол-стакана чаю без сахара. У Заур-бека была привычка перед первой папиросой пить пол-стакана чаю без сахара... Наконец, был прочитан столь необычайно-важный приказ: штаб Т.С.О. в срочном порядке требовал заполнения ведомости с указанием точного числа всадников, лошадей, оружия, снаряжения и т.д. - кажется еще запасных подков - для донесения в штаб Добровольческой Армии. Кипучий и энергичный был штаб Т.С.О.

Если не ошибаюсь, в этот же день произошла перестрелка с неизвестными всадниками, о которой упоминалось выше. Всадники эти появились как раз в момент большого скопления беженских подвод у переправы через какую-то речку. Моя подвода стояла на склоне, ожидая очереди. По противоположному склону медленно карабкались вверх уже переехавшие. Какая-то подвода застряла в реке. Ее вытаскивали. И в это время сверху раздались выстрелы. Началась была паника с криками, метаниями из стороны в сторону, что не особенно легко было в ущелье. Но едва лишь

раздалось ответное стрекотание нашего пулемета - огонь прекратился,
всадники исчезли...

Стояла холодная туманная ночь. Там и сям - всюду пылали костры. В Кисловодске видели эти костры и недоумевали: что за грандиозный табор остановился на высоте против города...

Заур-бек сидел у костра, на попоне, поджав ноги по турецки. В одной руке держа давно потухшую папиросу, в другой длинную палочку. На конце палочки был насажен маленький кукурузный горский хлебец (черджин). Он давно обуглился и дымился. Заур-бек ничего не замечал, глядя в огонь и дальше. Пламя играло в прищуренных глазах. Усы колебались ветром.

Сидевшие рядом сохраняли молчание, курили. Все были голодны и устали. К костру приблизился бледный, высокий человек, в черном; на груди Георгиевский крест. Он назвал Заур-бека «г. ротмистр». Это был ротмистр Баранов (*Баранов Александр Никифорович - георгиевский кавалер, во время Первой мировой войны командовал Ингушским полком «Дикой дивизии». В годы гражданской войны возглавлял «Летучий отряд особого назначения», входивший в состав Кавказской Армии генерала П. Врангеля.*). Он пришел сказать, что труп его жены лежит на одной подводе с больными, что, больные настаивают на том, чтобы покойницу похоронили здесь, дальше ехать с телом не хотят. А он, Баранов, просит помочь ему перевезти тело в станицу, где есть церковь. С большим трудом удалось исполнить его просьбу...

Ротмистр Баранов - лицо известное в Добр. Армии. Раньше он служил в гвардии, потом он перевелся в Дикую Дивизию, в Ингушский конный полк, где и получил орден св. Георгия. Говорили, что он убил члена Рады Рябовола. В Крыму он ударил А. Н. Гучкова по лицу. Все это домыслы и слухи.

При спуске в долину, где лежит Старо-Абуковское, ожидали встретить красных. Но не встретили. Встретили зато двух братьев Тамбиевых, черкесов, доблестных офицеров, из абазинской сотни полк. Кусова. Они встретили приветливо с радостью. Вдали показались дома Старо-Абуковского. Заур-бек не пожелал остановиться в большом доме дворян Абуковых. Он вообще предпочитал гостеприимство простых кабардинцев, а главное - занять центральное место расположения отряда.

В маленькой комнате остановились трое: Заур-бек, адъютант и комендант Кабардинской колонны полк. Рыбалченко. В Старо-Абуковском находились «живые газеты» - беженцы из разных мест и настоящие газеты: добровольческая и пролетарская. Впервые за все время можно

было отдать себе отчет о всем происходящем. Большевики ликовали по случаю взятия Терской области, разгрома казаков и «банды Серебрякова».

Сообщалось, что «банды» частью разбежались, частью загнаны в горы. Заур-бек пойман и казнен в Пятигорске. Находились очевидцы, выдавшие «своими глазами» голову Заур-бека на Красноармейской пике...

Итак Т.С.О. как-то замер. Это и понятно, т.к. из Старо-Абуковского кабардинцы направлялись в Бекешевскую и далее в Баталпашинск (*Ныне г. Черкесск*), остальные части по своему назначению. «Однако, штаб Т.С.О. все-таки не умер. Чтобы с тем покончить, сообщу, что когда в декабре 1918 г. Заур-бек был в Екатеринодаре, он встретил штаб Т.С.О. в помещении Кубанского Войскового дома. Следовательно, уже месяц спустя штаб все же продолжал работать, находясь в бесславном ряду подобных же «учреждений», безобразивших дело добровольцев.

Вероятно, там составлялись ведомости, доклады; или же тянулась бесконечная «ликвидация Т.С.О.»...

Числа 9-10 ноября кабардинцы перешли в Бекешевскую. Эта Кубанская станция сильно пострадала от красных. Сожжена была церковь, разграблено имущество, перебиты люди. На переходах всадники мерзли. Ведь из сл. Нальчик выходили с расчетом скоро вернуться. Вместо этого попали на Кубань. Зима 1918 г. была необыкновенно сурова. А кабардинцы не взяли с собой шубы. Не у всех были бурки. Многие были в легкой летней обуви - в ноговицах. Трудности похода через Кичмалку состояли не в военных препятствиях, но в природных. Кроме того, никто не был подготовлен к предстоящим событиям. Екатеринодарская газета называла этот поход «Крестным». Заур-бек же вспоминает о нем как о «походе в туманах», «туманном» походе...

Около половины ноября Кабардинский отряд прибыл в Баталпашинск (кажется 14-ХІ-1918). Там уже находилась дворянская сотня из кабардинцев, не служивших в строю, под командой Мамышева. Я забыл сказать, что часть этой сотни была во время сражения у Куба-Табы (в конце октября). В Баталпашинске кабардинцы разместились частью в станции, частью на левой стороне Кубани, в Дудоруковском (*Ныне с. Псыж, КЧР*) Черкесском ауле. Вскоре пришел приказ Главнокомандующего о зачислении Отдельной Кабардинской конбригады в войско Добровольческой Армии. Штаб-ротмистр Заур-бек Асланбекович Даутоков-Серебряков оставался её начальником (с правами начальника дивизии).

